

Охотники и оленеводы Восточной Сибири

Природно-климатические условия и ландшафт	2
Долганы: общие сведения.....	4
Долганы: верования и культурное наследие.....	5
Долганы: традиционное природопользование	7
Эвенки: общие сведения	12
Эвенки: традиционное природопользование.....	13
Эвенки: мировоззрение и духовные традиции	21
Эвены: этноисторический обзор	23
Эвены: традиционное природопользование	25
Эвены, окружающая среда и изменения климата	31
Юкагиры: этноисторический обзор.....	44
Юкагиры: традиционная культура в конце XX века.....	45
Юкагиры: традиционное природопользование	49
Юкагиры: традиционное мировоззрение	52
Юкагиры: влияние изменений климата на традиционный образ жизни	55
Якуты: этноисторический обзор	57
Якуты: традиционное хозяйство и системы жизнеобеспечения.....	58
Якуты: традиционные представления о природе и человеке.....	62
Якуты: адаптация к климатическим изменениям.....	65
Источники	69
Об авторах	71

Природно-климатические условия и ландшафт

Территория современной Республики Саха (Якутия) занимает северо-восточную часть евроазиатского континента и составляет, включая прилегающие острова Северного Ледовитого океана, 3103,2 тыс. кв. км. Она вытянута с севера на юг на 2000 км, с запада на восток – на 2500 км. Самая западная точка – на границе с Красноярским краем (105° в.д.), восточная – на границе с Чукотским автономным округом (165° в.д.), южная – на Становом хребте (55° 30' с.ш.), северная материковая – на мысе Нордвик (74° с.ш.), северная островная – на острове Генриетты (77° с.ш.). Более 40% территории республики находится за Северным Полярным кругом.

Почти две трети территории Якутии занимают горы и плоскогорья. Через всю северо-восточную часть региона проходит несколько горных систем, в основном меридионального направления. К ним относятся Верхоянский хребет, служащий водоразделом между Леной и Яной, Тас-Хаяхтах - к востоку от Яны. Лишь хребет Черского – наиболее мощная из всех горных систем Северо-Востока Азии, состоящая из 7-8 параллельных горных цепей, протянувшихся на тысячу километров, – имеет почти широтное направление, пересекая дугообразной линией бассейн верховьев Индигирки. Северо-западная часть края представляет северную окраину центрально-сибирского плоскогорья, состоящего из системы разбросанных в разных направлениях плосковершинных гор. Средняя их высота составляет 500-600 м. Характерна общая покатость с юга на север, в направлении к морям Лаптевых и Восточно-Сибирскому; вдоль их берегов на 2 тысячи км неширокой полосой от 100 до 300 км тянется тундра.

Вся Центральная Якутия (долины Лены, Алдана, Вилюя и Лено-Алданское междуречье) характеризуется равнинно-увалистым рельефом с отметками 100-250 м над уровнем моря; только на водоразделе между Леной и Вилюем они плавно повышаются до 300-500 м. С точки зрения условий хозяйственного использования территории определяющее значение имели особенности ландшафта Центральной Якутии; здесь широко развиты аласы – неглубокие понижения термокарстового происхождения, возникающие под влиянием вытаивания льда. Именно на дне аласа или около опушки леса, в более низких незаметных местах, лучше защищенных от холодных ветров, располагались жилища местных жителей.

На территории республики протекают крупные полноводные реки - Лена, Колыма, Индигирка, Яна, Оленек, Олекма, Вилюй, Алдан и другие, которые, пересекая весь край, несут свои воды в Северный Ледовитый океан. В бассейнах нижнего и среднего течения трех первых рек господствуют обширные низменности: Северо-Сибирская, Яно-Индигирская и Колымская. Для них характерно обилие озер; они тянутся почти непрерывно, связанные между собой, а нередко и с ближайшими крупными реками, небольшими травянистыми речками-висками. Поверхность многих озер измеряется сотнями квадратных километров, как, например, озера Ниджили, Лабынкыр, Ожогоино, Чукочье, Нерпичье. Вокруг многих озер - хорошие луга и сенокосы, в их водах водится различная рыба. Нередко в низменностях на многие десятки километров тянутся почти непроходимые в летнее время сплошные болота, так называемые *бадараны*.

Почти вся материковая часть Якутии представляет собой зону сплошной многовековой мерзлоты: мощность криолитозоны достигает 300-400 м (в вилюйской зоне – до 1500 м). В некоторых местах вечная мерзлота выходит на поверхность, образуя огромные наледы, так называемые *тарыны*. Климат резко-континентальный, для региона характерна продолжительная суровая зима и короткое теплое лето. Снежный покров держится от 6,5 до 9 месяцев в году. Максимальная амплитуда температур составляет более 100°С. В тундровой зоне при относительно умеренных зимних температурах часты сильные ветры.

На территории Якутии выделяют четыре ландшафтные зоны; большая часть обширных пространств (почти 80%) покрыта таежными лесами, в остальной части расположены тундра, лесотундра и арктические пустыни.

Из деревьев преобладает даурская лиственница (85% лесной площади), также повсеместно распространены сосна, кедровый стланик, ель, береза.

Фауна достаточно разнообразна и представлена практически всеми видами арктических и таежных экосистем. На островах Северного Ледовитого океана водятся морж, нерпа, тюлень, белый медведь; на материковой части – северный олень, лось, кабарга, снежный баран, волк; много видов животных с ценным мехом – песец, соболь, лисица красная, белка, горностай и др. Охота на этих зверей всегда занимала важное место в жизни коренных народов Якутии; в виде «мягкой рухляди» с 30-х гг. XVII в. начала вывозиться в Россию и за её пределы: в дореволюционный период в форме

ясака, затем в качестве государственных поставок. В многочисленных водоемах края обитают более 50 видов рыб, многие из которых относятся к ценным промысловым породам: нельма, осетр, омуль, чир, муксун, ряпушка и т.д. Якутия известна как место массового гнездования более 250 видов птиц. До настоящего времени для большинства местных жителей сохранила свое значение охота в весенне-осенний период на линную и боровую дичь: уток, гусей, куропаток, тетеревов, рябчиков.

Для сохранения животного и растительного мира в Республике Саха (Якутия) разработана Государственная экологическая политика, зафиксировавшая основные приоритеты охраны природы и направления природоохранной деятельности в качестве государственных задач. Главным ее направлением стало создание системы особо охраняемых природных территорий *Ытык кэрэ сирдэр* (священные земли), которая призвана защитить природную среду от негативного воздействия человеческой деятельности и неблагоприятных природных факторов, сохранив богатство и разнообразие растительного и животного мира, а в итоге – экологическое равновесие среды обитания коренных народов Севера.

Долганы: общие сведения

Долганы (самоназвания *долган*, *дулган*, *саха*) самый северный тюркоязычный народ, в состав которого вошли отдельные группы северных якутов и эвенкийских родов, а также представители самодийских аборигенов и русских старожилов. Долганы проживают на севере Красноярского края, в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе, а также в Анабарском улусе на северо-западе Республики Саха (Якутия). По данным переписи населения 2010 г. численность долган в Российской Федерации составила 7885 человек.

История

Долганы сформировались как этнос в XVII–XIX вв. Первые сведения о долганах содержатся в трудах исследователей Сибири XIX в. М.А. Кастрена и А.Ф. Миддендорфа. Важным фактором, способствующим созданию нового этнического сообщества, стал тот факт, что все этнические элементы, образовавшие долганскую народность, были православными (по крайней мере, формально), в отличие, например, от северных соседей долган,

нганасанов, обладавших совершенно иными формами материальной и духовной культуры и говоривших на языке, относящимся к иной языковой группе.

Язык

Язык долган ранее относили к диалектам якутского языка. В настоящее время его считают самостоятельным языком, близким к якутскому. Долганский язык относится к тюркской группе алтайской языковой семьи и имеет норильский, пясинский, авамский, хатангский и попигайский говоры. В основе долганского алфавита лежит кириллица, он был официально принят в конце 1970-х гг. В настоящее время создается учебно-методическая литература по преподаванию долганского языка.

Долганы: верования и культурное наследие

Долганы считались христианами и выполняли многие православные обряды, но при этом практически полностью сохраняли свои старинные верования. Их божества и духи подразделялись на три категории. Первую группу составляют *иччи* — бестелесные, невидимые существа, души, способные вселяться в неодушевленные вещи и оживлять их. Вторая группа — *айыы*, духи, помогающие людям. Третья группа — вредоносные *абаасы*, приносящие болезни и несчастья. Они обитали на земле и в подземном мире и стремились похитить душу у человека, унести ее под землю, а затем проникнуть в его тело. Человек, в которого вселялись *абаасы*, тяжело заболел. Помочь в этом случае мог, по поверьям долган, только шаман. Если ему удавалось определить, какие из злых духов проникли в тело больного, и изгнать их, человек выздоравливал; если нет — умирал. Верили долганы и в *сайтаанов*. *Сайтааном*, по их представлениям, мог стать камень редкой формы, необычно изогнутый рог дикого оленя — словом, любой предмет, в который шаман поселял душу — *иччи*. *Сайтааны* обладали могущественной силой и были в глазах долган своеобразными амулетами, приносящими удачу на охоте и в домашних делах.

Долганы сумели сохранить богатое культурное наследие, в котором сконцентрирован многовековой этнокультурный опыт, отражающий глубокие этнические традиции арктической культуры. Культура долган содержит ряд различных по своему характеру и происхождению этнических черт, сочетание которых создает то неповторимое своеобразие, которое

отличает их не только от ближайших соседей, но и других родственных народов, ведущих сходный образ жизни и связанных с ними общностью происхождения. Вместе с тем следы культуры древних оленеводов-кочевников лесотундровой зоны явственно прослеживаются в древнейших этнических традициях долган.

Фольклор долган соединяет самобытные черты с элементами творчества народов, вошедших в состав долганского народа – якутское *олонхо*, эвенкийские сказания, русские сказки и т.п. Самобытные фольклорные жанры основаны на особенностях реальной природы Севера и кочевого образа жизни. Песни долган повествуют о временах года, реках, горах, деревьях, тундре. Эти песни — импровизации. Охотники и оленеводы пели их во время длительных кочевок. Такая песня могла состоять из одной фразы, иногда напевалась только мелодия.

После долгой полярной ночи в конце апреля – начале мая долганы отмечают праздник встречи солнца «Большой день», или *hana kун*, основанный на древнем обряде поклонения солнцу, общей культурной традиции северных кочевников. Во время праздника долганы исполняют круговой танец с хороводными песнями *hэйруо* вокруг хорея. Это не просто танец, посвященный солнцу и возрождению природы, *hэйруо* имеет не только магиико-религиозную и символично-обрядовую функцию, но и важное очистительное и благопожелательное значение.

Основным жанром фольклора долган является *олонхо*: *ырыалаак олонхо* (повествование с пением, героический эпос) и *hатыы олонхо* (сказка). Традиции долганского *олонхо* по сюжетно-композиционному строю, художественно-изобразительным средствам и исполнительской манере близки к северным вариантам якутского героического эпоса. Долганские сказители исполняли *олонхо*, как правило, после ужина. Описательную часть эпоса сказители произносили речитативом, а песни героев пели, причем песня каждого героя имела свою мелодию. *Олонхосуты* пользовались у долган большим уважением и считались избранниками добрых божеств и духов. Долганы верили, что образы, о которых повествовали сказители, могли становиться реальными, влиять на ход промысла, помогать в преодолении болезней и жизненных трудностей. Предания и сказки не рассказывали весной во время прилета гусей и миграции диких оленей, а также перед охотой, чтобы не спугнуть птиц и оленей.

Музыкальные жанры долганского фольклора (колыбельные, лирические песни и песни любовного содержания *туойсуу*) по своей мелодике, стилистическим и интонационным особенностям имеют много общего с песенными традициями северных якутов-олeneводоv.

Мифы объясняли явления природы, регламентировали общественную жизнь, утверждали нормы обычного права. В долганскую мифологию входят произведения, подтверждающие религиозные представления о наличии трех миров и существовании в них различных духов и божеств. У долган не было систематизированной мифологии о происхождении или сотворении мира, о великих богах и их деяниях. Их мифы рассказывают о случаях контактов с духами различных миров и указывают, как себя должен вести человек в этих случаях.

Сказки – наиболее распространенный жанр, бытующий поныне. Тематика сказок традиционна: о животных, волшебные, бытовые. Герои сказок о животных – медведь, волк, лиса, заяц, полярная сова, рыбы – наделяются присущими людям качествами, характером, речью. Долганские волшебные сказки основаны на заимствованных сюжетах, преимущественно из русских сказок.

В прежние времена долганы всегда отдавали часть мяса дикого оленя и рыбы родственникам и соседям. В процессе адаптации к окружающей среде у оленеводов, рыбаков, охотников выработался комплекс правил и запретов, позволяющих использовать природные ресурсы, не истощая их, не нарушая стабильной экологической системы. Они интуитивно чувствовали необходимость охранять окружающий их растительный и животный мир от напрасного истребления. Придумывали всевозможные ограничения, запрещения, обряды. Эти верования сохранились в фольклоре, обычаях. С их помощью передаются традиции. Долганские дети с ранних лет приучены к трудовым навыкам, им хорошо знакомы условия кочевого быта тундровиков.

Долганы: традиционное природопользование

Традиционные формы природопользования долган – кочевое оленеводство, охота на дикого северного оленя, пушной промысел и рыболовство. Оленеводство является основой жизненного уклада долган. В традициях долганского оленеводства наблюдаются различные приемы, не только тунгусские, но и заимствованные у самодийских народов. Например, можно

говорить об использовании долганами оленегонных собак (как у ненцев и нганасан), доении важенок (характерном также для эвенков), использовании ездовых нарт ненецкого типа. Олени используются для езды верхом и перевозки грузов (летом), а также для езды в упряжке (зимой). Седла и способ езды верхом у долган тунгусского типа. Способ упряжи отличен от ненецкого: передовой олень запрягается и управляется вожжой справа, а не слева, как у ненцев, энцев и нганасан.

В охотничьем промысле долган имеются весьма архаичные формы, восходящие, вероятно, к культуре аборигенов Северной Азии – поколки диких оленей на речных переправах, охота с помощью оленя-манщика, а также приемы, заимствованные от самодийцев – охота на диких оленей с помощью кожаной сети. В прошлом у долган была широко распространенная система охоты на песцов при помощи линий ловушек – «пастей». Рыболовство неводом было самым распространенным видом этого рода занятия. Пушальни использовали как в летнее, так и зимнее время.

Долганы охотились на песцов, северных оленей и птиц – гусей, уток, куропаток. По преданиям, долганы охотились на диких оленей с пращами, метательными стрелами и луком; до сих пор используется самострел. В настоящее время широко распространено огнестрельное оружие, заимствованное у русских. Употребляли отравленные пули, яд вырабатывали из прогорклого жира дикого оленя. Летом и осенью оленей выслеживали с помощью охотничьих собак. Осенью, в период гона у диких оленей, использовали специально обученного оленя – манщика.

Зимой охотились на оленей гоном: запрягали в легкие нарты четырех оленей и часами гонялись за выслеженным стадом. Зимой, подкрадываясь к стаду диких оленей, охотники маскировались щитком, поставленным на полозья. Передвигались на широких лыжах тунгусского типа.

Для охоты на водоплавающую дичь применяли сети, силки, капканы. При охоте на куропаток в качестве приманки привязывали живую самку куропатки. В охоте на песца использовали ловушки – пасти. Охота на песца имела главным образом товарное значение.

В рыболовстве для подледного лова применяли ставные сети-пушальни из ниток или конского волоса, привозимого из Якутии. Лодки небольшого размера покупали у русских и якутов.

Жилище

Традиционное кочевое жилище долган – конический чум тунгусского типа, покрытый *ровдугой* (летом) и оленьими шкурами (зимой). В старину долганы устанавливали также *голомо* и балаганы якутского типа, но без окон и нар, которые позднее были вытеснены домиками на полозьях и *балка́ми*. В качестве хозяйственных построек используются лабазы и амбары на высоких столбах.

Тип жилища *балок* был заимствован у русских старожилов Севера. Он представляет собой каркасный домик из реек, установленный на полозья. В правом углу от двери — *кучигар*, ящик для дров, обшитый с внутренней стороны жестью. Рядом, на подставках, небольшая железная печь. Ее труба через муфту в потолке выведена наружу и на полметра возвышается над крышей. Через отдушину выходит горячий воздух. Ее затыкают мешочком с оленьей шерстью. За печкой и возле нее, на полочках, кухонные принадлежности. Здесь же подвешен умывальник, у окна — стол и сиденья.

Напротив кухонной половины находился угол для сна и люлька ребенка. В большом *балке́* спальные места могут располагаться и со стороны печи. Спят на перинах и на толстых оленьих шкурах. Днем постель скатывают к стенке или выносят из *балка́* на воздух, оставляя лишь шкуры для сиденья.

Оленеводы быстро оценили преимущества *балка́*. Его не приходится разбирать и вновь собирать как чум, кочуя со стадом. Уже в начале прошлого века коренное население Севера приспособило балок к условиям своей жизни. Его размеры увеличились, изменился способ его крепления к нартам. Жилые *балки́* заказывали и русским мастерам.

Традиционная одежда

Одежда долган хорошо приспособлена к суровым климатическим условиям и к промысловой деятельности. Выделка шкур с помощью скребков, рукоятки которых выглядели как произведения искусства, а также шитьё одежды считалось обязанностью женщин.

Подол национальной одежды долган удлиннен со спины. При сидении на холодной земле, он служит в качестве дополнительной подстилки. Одежду и обувь шили жильными нитками. В отличие от других народностей Севера долганы имели однослойную верхнюю одежду. Обычно ее шили в период полярного дня. Это тяжелый изнурительный труд, требующий времени и

терпения, усердия и мастерства. Виртуозному владению скребком учатся с детства.

Долганская женская одежда приталенная, сзади удлиненная. Полы спереди сходятся встык, застегиваются на пуговицы или завязываются замшевыми завязками. Нижняя часть полы расклешена, по бокам вшиты клинья.

Одежда (в особенности, женская) часто украшена вышивкой геометрических орнаментов и бисером. Особенность декоративной отделки долганской одежды – использование разнообразных материалов и различных приемов: вышивка подшейным волосом оленя, сухожильными, разноцветными хлопчатобумажными нитками, цветным бисером, текстильная аппликация, меховая мозаика и др.

Мужская одежда шьётся из длинношерстных оленьих шкур, которые надеваются поверх песцовой или лисьей шубки. Такая одежда отлично сохраняет тепло и удобна для работы в тундре. *Сакуи* меховые – широкие, расклешенные снизу, длинные до пят, с капюшоном – надеваются поверх одежды в морозные дни во время дальних поездок. *Сакуй* из белой плотной ткани надевают поверх всей одежды во время пурги, ветров.

Головные уборы долган имели различную форму и украшения в зависимости от назначения: различные шапки предназначались для праздничных и обычных дней. Обычно шапки имеют форму капора и состоят в основном из четырех деталей: двух боковых, продольной и передней, утепленных внутри мехом песца или зайца. Шапка плотно облегает голову, защищая уши, затылок, завязывается спереди узкими завязками из замши.

Обувь, сшитая из оленьих камусов, тоже очень разнообразна. Она делится на домашнюю – короткую и длинную, обувь для улицы, для праздников. Мужские и женские *унты* имеют вертикальные вставки, вышитые цветным бисером. Верхняя часть *унтов* шьется из красного сукна шириною 12 – 13 см, расширяется бисером узором «розетка», которая чередуется с вертикальными узорными полосами. Обычно эта обувь шьется из очень темных или белых камусов. В *унтайки*, предназначенные для улицы, шьются *чижи* (чулки) из хорошо выделанной шкуры взрослого оленя. Особенностью детской обуви, так называемой *лопатки*, является то, что край ее носовой части имеет округлую форму, как лопатка. В таких *унтайках* детям удобно ходить и легко надевать их на ноги. Подошвы на все виды обуви ставят из выделанной

оленьей шкуры мехом внутрь. В осенне-весенние дни для впитывания влаги вкладываются стельки из сухой травы.

У долган великолепно развито декоративно-прикладное искусство: изготовление украшений из бисера, орнаментация одежды и обуви оленьим мехом и бисером. Распространены резьба по дереву, оленьей и мамонтовой кости (украшение пластин оленьей упряжки, рукояток ножей и т.п.), инкрустация оловом и медью, гравировка и штамповка по металлу. В долганской орнаментике прослеживается влияние двух художественных культур: якутской (мотивы в виде арок, дуг, спиралевидных и криволинейных узоров) и тунгусской (полосовые и кружковые орнаменты, вильчатые и крестовидные мотивы).

Кулинарные традиции

Долганские блюда из оленины и свежей рыбы на первый взгляд просты и незатейливы, однако их приготовление требует особого умения.

Главное место в пищевом рационе долганских семей занимает оленьё мясо. Его употребляют чаще всего в вареном, мороженом и копченом виде. После забоя оленеводы любят поесть сырое свежее мясо, печень, почки. Традиционным лакомством являются молодые олени рога, предварительно опаленные над пламенем костра. Большой популярностью пользуется также крепкий мясной бульон, к которому добавились различные супы, заправляемые картофелем, крупами, макаронами. Особым северным деликатесом считаются такие экологически чистые продукты, как мерзлая печень и костный мозг оленя. Обычно их подают гостям в сыром виде. Рыба употребляется в пищу всеми группами населения – как оленеводами, так и жителями поселков. Осенью и зимой особым успехом пользуется строганина – нарезанная в виде длинных стружек мороженая рыба: нельма, муксун, сиг. Летом наиболее излюбленным блюдом является сырая (свежепойманная) рыба (*сагудай*) или же малосольная рыба.

Во все времена года в пищу употребляется вареная рыба. Повсеместно сохраняется и приготовление впрок сушеной рыбы, известной под названием *юкола*, *кярдиляк*.

Съедобные растения в пищевом рационе долган тоже имели значение. Употребляют в пищу дикий лук, корни некоторых растений, ягоды (морознику, голубику, бруснику).

Добытых весной гусят вялят, заготавливая впрок, или варят. Долганские женщины пекут лепешки и оладьи.

Транспорт

У долган традиционными видами транспорта были олени и собачьи упряжки. Наиболее распространенным универсальным средством передвижения были олени. В летнее время на них ездили верхом, зимой оленей запрягали в нарты. Так как круглый год приходилось содержать оленей на подножном корму, перед каждой перекочевкой долганы были вынуждены отлавливать в стаде необходимое количество ездовых оленей. Пастухи и подростки ловили оленей особым арканом – *маутом*. Навыки владения *маутом* вырабатывались с детства. Тонкий, легкий и прочный *маут* очень ценился. Иногда для отлова оленей устраивали специальные загоны.

Караван вьючных оленей строился в определенном порядке: за ведущим оленем следовал олень с детской люлькой, за ним шел олень с постельными принадлежностями, потом следовали олени с вьючными сумками и ящиками. Замыкал караван олень, волочивший шесты от чума. Весной при перекочевках для переправы через реки везли с собой *лодку-ветку*.

Зимой долганы запрягали оленей в нарты. Зимняя упряжь состояла из недоуздка для передового правого оленя, головных веревок для пристяжных оленей, лямок и соединительных ремней.

Эвенки: общие сведения

Эвенки в Российской Федерации живут на территории (с запада на восток) Тюменской и Томской областей, Красноярского края, Иркутской, Читинской, Амурской областей, республик Якутии и Бурятии, Хабаровского края и Сахалинской области. По данным переписи 2002 года в Российской Федерации насчитывалось 35527 эвенков, к 2010 г. их численность увеличилась до 37843 человек. В Республике Саха (Якутия) в 2002 году насчитывалось 18232 эвенка, в 2010 году – более 21 тысячи.

Показатель владения родным языком различается по регионам. В Амурской области и Хабаровском крае процент эвенков, говорящих на родном языке, высокий. В Эвенкии примерно 50% эвенков говорит на родном языке, в

Якутии и Бурятии – 12-15%. Повсеместно наблюдается двуязычие (второй или первый – русский), кое-где – трехязычие (якутский или бурятский).

В хозяйственном отношении эвенки Якутии заметно отличаются от других народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Прежде всего, они — охотники-олeneводы. Эвенк-охотник проводил верхом на олене добрую половину своей жизни. Были среди эвенков и охотившиеся пешком, но в целом именно верховой олень — главная визитная карточка этого народа.

Эвенки: традиционное природопользование

Охотничий промысел

Территорию проживания эвенков можно разделить в отношении охоты на две большие зоны. Первая — между Енисеем и Леной, исключая горную область истоков Лены; здесь отсутствуют пространства с гольцами (*гольцы* – голые горные вершины выше границы леса). Вторая — на восток от Лены и Байкала — горная, сильно пересеченная местность с обширными гольцовыми областями. Поэтому на западе преобладала охота с луком, на востоке — охота с самострелами и петлями. Район верховий Лены занимал промежуточное положение.

В течение XVIII—XIX веков лук сменился ружьем, а в районах, где эвенки остались жить в соседстве с русскими деревнями, появились русские ловушки (пасти, кулемы, плашки).

На лося охотились осенью и в конце зимы – начале весны. В остальное время охотились на него попутно. Охотились на лыжах – охотник гнал лося по следам. Бежали обычно против ветра и стреляли из-за куста. При охоте в Байкальских гольцах на лыжи, чтобы они не шуршали, надевали чехлы из шкуры косули (козы).

Охота гоном требовала большой выносливости и развивала азарт. Случалось, что гнать лося приходилось не один день; охотник падал от изнеможения, но охоты не прекращал и, передохнув, бежал вновь.

В осенний сезон лося обычно гоняла собака. Охотник, найдя свежий след, спускал собаку с ремешка, и она, догнав зверя, старалась задержать его до подхода охотника.

Летом в некоторых районах на лося охотились с лодки. Ночью охотник, ожидая выхода лося к реке, осторожно пробирался против ветра среди

зарослей, подгребая двумя лопаточками-веслами. Когда зверь выходил на берег, охотник вонзал в него копье или стрелял из ружья. Эта охота требовала особой ловкости, наблюдательности и умения.

Верхнеленские эвенки осенью, когда лоси переходили в места, где зимой бывает меньше снега, охотились у переправ через реки. В прибрежных кустах устраивали засады, откуда стреляли в переплывающих и выходящих на берег животных. Олекминские эвенки ставили на лося самострелы в изгородях. Эвенки верховой Лены иногда совместно с русскими рубили изгородь, в которой на определенном расстоянии оставляли промежутки, где рыли ямы, укрепляли их бока жердями, покрывали настилом и засыпали поверхность хвоей и ветвями.

На дикого северного оленя охотились весной и осенью так же, как на лося, — гоном и скрадом. На Вилюе и в тундрах эвенки подстерегали стада на переправах через реки.

В полосе лесотундры, по верховьям Вилюя и Оленька, а также по средним притокам Алдана эвенки охотились с приученным оленем-манщиком (*ондодо*). Охотник, оставаясь с подветренной стороны, выпускал манщика вперед на длинном ремне и продвигался за ним, пока не убивал дикого оленя. Осенью, в период гона, манщика отпускали к дикому оленю; последний в азарте драки не замечал охотника.

Оленеводство

На юге Якутии, в таежной зоне, где проживает большинство эвенков этой республики, оленеводство имеет в основном транспортное значение. Оленей используют при езде верхом и под вьюк, запрягают в нарты, а также доят.

В Эвенкии, Бурятии, южной части Якутии, в Хабаровском крае, в Амурской, Читинской и Сахалинской областях разводят эвенкийскую породу оленей. Эвенкийские олени длинноноги и отличаются высоким ростом. Вес взрослых самцов 135-168 кг, самок – 108-120 кг.

Оленей чаще всего держали небольшими стадами на вольном выпасе. После окончания зимнего охотничьего сезона несколько семей обычно объединялись и перекочёвывали в места, удобные для отёла оленей. Совместный выпас оленей продолжался всё лето. Зимой, во время охотничьего сезона, олени обычно паслись у стойбищ, где оставались семьи охотников. Перекочёвки каждый раз проходили по новым местам, летом – по

водоразделам, зимой – по рекам. Постоянные тропы вели только к торговым пунктам.

Эвенки — прирожденные кочевники. Протяженность кочевок охотников-оленьеводов достигала сотен километров в год. Отдельные семьи покрывали расстояния в тысячу километров.

Рыболовство

Реки на юге Якутии вскрываются ото льда в первых числах мая. После окончания ледохода по таёжным ключам к местам нереста поднимается рыба. По названиям рек и ключей можно узнать, какие виды рыб обитают в той или иной местности. Например, название притоков реки Олёкмы означают следующее: Хатыстыр – осетровый, Ниречан – хариус, Джалинда – тайменная. А название самой Олёкмы произошло от эвенкийского слова *олло*, что означает «рыба».

Таймень у эвенков относится к культовым рыбам. В эвенкийской мифологии эта рыба считается носительницей души шамана в водной среде. Голову тайменя запрещено есть, её нельзя и выбрасывать собакам. Голову рыбы-шамана высушивают и вешают на дерево как оберег от злых духов.

Рыболовные орудия — костяные крючки, наконечники гарпунов — известны на Севере с палеолита (20-25 тысяч лет назад). Они подразделяются на простейшие (остроги, сачки, силки и т.п.), крючковые, сетные и запорные.

Острога — ударное или метательное орудие с втульчатым наконечником, имеющим от одного до шести концов с зазубринами. Они были двух типов: метательные — с соскакивающим наконечником и ударные — с наконечником, наглухо прикрепленным к древку. Острогу с соскакивающим наконечником насаживали втулкой на древко. Попадая в рыбу, наконечник соскакивал с древка, которое становилось поплавком. Острогой с глухим креплением наконечника били мелкую частичковую рыбу.

Было распространено лучение — ночной лов рыбы с помощью факела и остроги. На нос лодки, плывущей в темноте вниз по течению реки, прикрепляли горящий пучок бересты или лучин. Свет привлекал рыбу, и ее били острогой. Таким же образом добывали рыбу и зимой в проруби, куда она подходила подышать.

Эвенки, а также нанайцы, ульчи, нивхи и др., с лодки или берега ловили *мариком* — крюком, привязанным или вложенным в специальный желобок

на длинном (до 6 метров) шесте. От пяты крюка шел ремень, также привязанный к древку. Попав в рыбу, крюк выскакивал из древка и повисал вместе с добычей на ремне. Эвенки пользовались также *мариком* с неподвижным крюком.

Средства передвижения

На охоте для передвижения по насту служили лыжи-голицы без камусов (*кингнэ*, или *киглэ*), а для глубокого снега — лыжи с подклеенным камусом *суксилла*. Последние представляли собой тонкие, длиной с человеческий рост и шириной в две пяди (примерно 35 см), еловые доски, выгнутые в средней части, с острыми, загнутыми вверх концами. Место для ступней подклеено берестой и снабжено ремнями для ноги. Для устранения всякого шума некоторые эвенки надевали на лыжи чехол из шкуры собаки, волка или россомахи. Ходили на лыжах без палок или с одной палкой *сэвгурэ*. Палки служили не столько для отталкивания, сколько для захватывания за стволы деревьев при подъемах и для торможения при спусках. Для этого на верхнем конце палки имелся металлический крючок.

У эвенков можно встретить несколько видов лодок. Самыми распространенными в XIX – начале XX века были челноки нескольких конструкций. Их использовали во время охоты на оленя, лося, водоплавающую птицу, при рыбной ловле, для одиночных переездов. Кроме лодок, при переправах через реки эвенки употребляли плоты *тэму*. В конце XIX века у эвенков еще бытовала своеобразная кожаная лодка *мэрэкэ*.

Имевшие оленей витимо-олёкминские и джугджурские эвенки-орочоны, передвигались на них верхом, в том числе во время охоты. Такая мобильность позволяла им совершать перекочевки на большие расстояния.

Жилища, постройки, утварь

Традиционное эвенкийское жилище - конический чум, по-эвенкийски – *дю* или *дюг*. Вверху чума оставляли отверстие для выхода дыма и освещения. Покрытие чума – *нюки* – различалось в зависимости от времени года: зимой – из досок, войлока, земли, шкур животных или ровдуги в несколько слоев, летом – ровдуга или береста. Зимой для тепла чум присыпали снизу снегом или закрывали ветками сосны. Летом покрытие снизу поднимали для проветривания чума.

Вход в чум был низким (чтобы не выходило тепло) и закрывался куском шкуры или бересты. Около входа располагалось место для хозяйственных вещей – *чона*, рядом с ним находилось место хозяина. Все вещи эвенки хранили в специальных выючных сумках возле чума на деревянных настилах. Посередине чума располагался очаг для освещения и обогрева чума, летом на нем не готовили пищу, для этого разводили еще один очаг возле чума. Очаг в чуме почитался. Справа и слева от костра – места для членов семьи (*бе*). Напротив входа, за костром, располагалось почетное место для гостей – *малу*. Жилища конных и скотных эвенков походили на русские избы, но были невысокие и во многом напоминали русские хозяйственные постройки. Многие эвенки-оленьеводы жили в юртах монгольского образца. Временные стойбища эвенков-оленьеводов назывались *уриkit*, постоянные (чаще зимние) стойбища на берегах рек – *мэнэен*. Зимние стойбища состояли из 1-2 чумов, летние – до 10, а во время праздников и более.

Уже в XVIII веке некоторые эвенки потеряли оленей, начали оседать около русских, якутских и бурятских поселков, занимаясь мелкой работой. Некоторые из них жили в коническом жилище – *голоно* (*голомо*). Сооружали его из плах расколотых пополам стволов. Внутреннее устройство жилища *голоно* не отличалось от устройства чума *дю*.

Бытовая утварь и посуда (ложки, чашки, сосуды для воды и молока, коробка для рукоделий, детские колыбели, выючные сумы), изготавливались из дерева и бересты. Коробка для рукоделий украшалась вышивкой из бисера.

Эвенкийские кузнецы изготавливали некрупные предметы: ножи, наконечники, украшения и др. Основными приемами обработки железа были литье, штамповка, гравировка и ковка. Котлы для приготовления пищи они покупали или выменивали на меха у русских.

Женщины занимались обработкой шкур животных, из которых шили одежду, спальные мешки, одеяла, покрытие для чума, меховые ковры-*кумаланы*. Вся эта работа выполнялась вручную.

Украшением предметов бытового назначения из кожи, меха и материи занимались женщины; тиснением на бересте, резьбой по дереву и по кости – мужчины. Мастеров-ремесленников не было, хотя и выделялись отдельные мастерицы, которые пользовались большим уважением сородичей. Эвенки создали замечательный по красочности орнамент, который наносится на

различные предметы – посуду, одежду и другие предметы бытового назначения. Широко использовались цветные нитки, шелк, бисерные нити, появившиеся у эвенков с приходом русских.

Традиционная кухня

Основным продуктом питания эвенков всех регионов было мясо лося и северного оленя, боровой и водоплавающей дичи. Летом излишки мяса вялили на солнце и сушили над огнем на специальных приспособлениях. Из крови и кишок оленя и лося готовили колбасу. Лакомством считался оленин головной мозг, зажаренный на специальном вертеле в виде корзинки. Костный мозг, почки, сухожилия с мозговых костей предпочитали есть сырыми.

Рыбные блюда готовили почти так же, как и мясные: варили, жарили, вялили, позже стали солить; северные эвенки ели сырую мороженую рыбу – строганину. В летнее время употребляли в пищу оленьё молоко.

Эвенки, ведя кочевой образ жизни, не делали запасов пищи на длительный период. Поэтому на охоте и рыбной ловле выработались навыки не добывать больше того, что нужно для питания в ближайшее время. Воду пили обычно кипяченую, горячую. К холодной воде прибегали только охотники при сильной жажде, во время охоты гоном.

Питались регулярно 4 раза в день через точные промежутки времени. Первые две трапезы были легкими, вторые две — более основательными. Регулярность в питании нарушалась только во время перекочевок и на охоте. Прежде принимали пищу у костра. Позже этот обычай сохранялся только как ритуальный. Перед едой пили чай или кипяченую воду с каким-либо суррогатом чая. Любой подошедший к началу трапезы мог участвовать в ней наравне с хозяевами.

Разнообразие пищи определялось сезонами. Весной, в марте-апреле, преобладало мясо копытных, чередовавшееся с небольшим количеством боровой дичи. В мае-июне иногда добывали рыбу, а с половины июля к мясному или рыбному рациону добавлялись свежие ягоды. С начала сентября количество мяса увеличивалось, и к нему добавлялся кедровый орех. В октябре-ноябре основным продуктом питания становилась боровая дичь, которая чередовалась с мясом копытных и медведей, изредка – с рыбой.

Только в декабре-январе основой питания становились сухие запасы мяса и рыбы.

У забайкальских охотников-скотоводов к мясу и рыбе добавлялись молочные продукты. У «сидячих» эвенков-рыболовов в питании преобладала в разных видах рыба, а у охотских, кроме того, мясо и жир тюленя.

К местным продуктам со времени знакомства с русскими, эвенки кроме чая, стали добавлять хлеб в виде печеных колобков и лепешек.

О роли мяса в питании эвенков говорят наблюдения исследователей в экспедициях 1920-х годов: вместо приветствия «Здравствуй» спрашивали: «Что ел?», «Кого убил?». Любой эвенк на вопрос: «Что ты ел?» — отвечал не словом «мясо», а названием части туши животного.

Основными способами приготовления мясной пищи у всех эвенков были варка в воде без приправ с очень незначительным количеством соли и обжаривание без соли на рожне — *силавун* (от названия рожна произошло и название обжаренных кусочков мяса — *силан*). Лакомыми частями считались головной мозг, мясо из-под спинных сухожилий или с задних частей, язык и почки. Языки, если их было много, предварительно коптили.

Оленье молоко обычно пили с чаем, а также заливали им мучную кашу, размятые ягоды. Если молока было много, в котел с кипящей водой ставили посуду с молоком и варили. Загустевшее молоко ели с хлебом.

Оседлые охотские эвенки ели мясо нерпы в вареном и жареном виде. Часть убитых нерп замораживали. Нерпичий жир служил приправой, иногда его смешивали с ягодой вороники — шикшей.

Рыбу, как и мясо, ели вареную и обжаренную на рожне. Мороженую рыбу (*тала*) ели обычно перед чаем, настрогав вдоль хребта. Рыбью икру ели вареную и мороженую. Рыбу заготавливали и впрок. Сушеные лепешки (*канна*) делали, перемешивая икру, молоки и куски мяса, и пекли у огня прилепленными к доске, а затем досушивали на воздухе. *Султа* — вареная рыба, растертая с сырой икрой в кашицу и высушенная на солнце. *Няк* — юкола, вяленая на солнце. *Кололи* — рыбья икра, провяленная на солнце и досушенная над огнем в чуме. *Хачибас* — юкола для собак.

Растительная пища была характерна для весенне-летних сезонов. Весной собирали березовый сок. Все ягоды (голубику, чернику, морошку и др.) ели сырыми, запивая чаем. Если было достаточно молока, лакомились *мэнин* —

размятой голубикой, залитой оленьим молоком. Первые кедровые орехи ели вместе со скорлупой. Иногда их пекли в золе и толкли, а затем заливали кипятком до образования кашицы.

Эвенки, жившие рядом с якутами, в голодное время ели лиственничную заболонь (*чару*). Ее резали мелкими кусочками и варили в отваре из костей.

С зерном и мукой эвенки познакомились до прихода русских, о чем говорят их эвенкийские названия – *бурдук* и *талган*. Раньше из муки делали только похлебку или жарили ее с жиром. Выпекать хлеб научились у русских и пекли его на один день. Заготавливали хлеб только для охотников, уходивших на несколько дней в тайгу. Если на охоту шли с женщиной, то брали с собой муку, из которой она на стоянках ежедневно пекла свежий хлеб.

Ритуальным блюдом было *сэвэн, тэкэмин*. Его делали из вареного мелко накрошенного медвежьего мяса, смешанного с прокипяченным жиром, и ели не больше 2—3 ложек.

Чай употреблялся плиточный. Его пили без сахара перед едой по несколько чашек. Северные и забайкальские эвенки пили чай с солью. Зимой в местах, где не было свежей воды, ломали лед, и у входа в каждый чум всегда стоял *чуман* с кусками льда. При перекочевках и на охоте пользовались и снегом, натапливая его в котле или чайнике. Если не было чая, заваривали сухие листья брусники, плоды шиповника, листья иван-чая.

Одежда

Самой распространенной традиционной верхней одеждой у эвенков Якутии, мужчин и женщин, была сшитая из оленьих шкур парка – короткая, приталенная, с прямыми завязывающимися полами. Ворот парки был либо круглый, либо к нему пришивали воротник. В костюме эвенков входили также пояс и рукавицы. Головным убором был капор, его носили отдельно, или пришивали к парке. Для оторочки верхней одежды широко применялся мех.

Познакомившись с русскими, эвенки стали шить штаны и рубахи из сукна и ровдуги. До этого парки носили на голое тело, а вместо штанов пользовались меховыми натазниками и ноговицами. Появление у эвенков сукна способствовало усилению красочности эвенкийской одежды. Оленья парка постепенно уступает место зипуну из сукна, название и покрой которого

заимствованы от русской крестьянской одежды. Зипун дополняла меховая обувь из оленьих камусов.

Унты-торбаса из оленьих камусов были и остаются чрезвычайно рациональной и удобной обувью. Несмотря на то, что обувь особенно быстро снашивалась и заменялась новой, принцип соединения целесообразности и красоты и здесь оставался в силе. Искусная мастерица умела придать своим торбасам стройную, изящную форму. С боков вшивались две симметричные вертикальные бисерные вставки, которые ниже колен соединялись поперечной бисерной перемычкой. Вверху унты украшал широкий узорный край, состоящий из темных и светлых квадратиков меховой мозаики. Позже его заменил борт из сукна или бархата с вышивкой бисером в виде арочного или полосного узора.

Эвенки: мировоззрение и духовные традиции

Несмотря на то, что современные эвенки в большинстве своем уже не являются кочевниками в полном смысле этого слова, они продолжают оставаться приверженцами традиционного мировоззрения и совершать традиционные обряды. В среде оленеводов и охотников обрядовая практика живет в наиболее полной мере. Более того, некоторые древние обрядовые традиции сохраняются у эвенков, живущих в городах.

Наиболее популярны обряды, объединяемые эвенкийским термином «*Имты*»: каждый охотник, рыболов и большинство мужчин и женщин в ответственные моменты жизни совершают «угощение огня». Эвенки считают, что посредством огня человек может обратиться к различным духам и божествам. Огонь угощают с просьбой дать удачу в промысле, к нему обращаются по поводу семейных дел и во время праздников.

Характерной чертой обрядового фольклора эвенков является то, что обращения-просьбы произносятся чаще всего тихо, вполголоса, либо вообще, как выражаются эвенки, «говорятся внутри себя» (*мэн дялдуи*), то есть произносятся мысленно, «про себя». Так делается потому, что, например, дух – хозяин тайги любит тишину и обладает хорошим слухом. Ниже дано краткое описание самых популярных коллективных обрядов, связанных с наиболее важным для эвенков праздником *Бакалдын* (или *Икэнипкэ*); в современной интерпретации это праздник Встречи Нового Года. В прошлом описываемые далее обряды были последовательными действиями единого

шаманского обряда *Сингэлавун* – добывание охотничьей удачи. Здесь они описаны в той последовательности, которая принята у современных эвенков во время праздника *Бакалдын*.

Чичипкавун – это обряд очищения, цель которого – избавление от накопившихся проблем и неудач, сопровождавших эвенков в течение прошлого года. Обряд *Чичипкавун* проводится следующим образом. Из лиственницы изготавливается идол *Чичипкан*. Возле него разводится костер, и два человека (обычно старшего возраста) очищают дымом багульника каждого участника обряда перед его прохождением «через» *Чичипкана*. После того, как последний участник пройдет обряд, идола укладывают на землю, связывают его ноги веревкой и помещают на специальный лабаз. В некоторых случаях (когда обряд делается для лечения кого-либо), идола полностью сжигают.

Имты – это обряд «Кормления огня». Огонь кормят по всевозможным случаям и почти ежедневно, так как вся жизнь эвенка зависит от огня. Во время *Бакалдына* совершение обряда *Имты* поручается одному из представителей старшего поколения, который угощает огонь жирной пищей и обращается к духу данной местности с просьбой дать эвенкам удачу и хорошую жизнь. Часто этот обряд объединяется с символическим угощением *Сэвэк-Мо* – священного дерева эвенков, символизирующего вселенную, которая состоит из трех миров. Праздник обычно проводится на берегу реки, и после совершения *Имты* участники обращаются и к духу реки, угощая его пищей и спрашивая у него благополучия.

Еллувка – обряд приобщения к родовому (семейному) огню. В прежнее время он касался только новорождённых: нового члена семьи представляли таким образом духу-бабушке огня *Энекан Того*. Лоб младенца мазали сажей из очага со словами примерно такого содержания: «Вот наш новый человек, прими его как близкого по крови, нашего человека». В настоящее время этот обряд нередко проводят во время праздника *Бакалдын*, и приобщиться к общему огню может любой ребенок – участник праздника. Значение обряда весьма велико: ребенок с раннего возраста должен ощущать себя частью своего народа.

Улганни – следующий после *Имты* по популярности обряд эвенков. Совершая его во время *Бакалдына*, на избранное примечательное дерево привязывают отрезки материи и обращаются к *Айихит Эни* – верховному

божеству, которое, по мировоззрению эвенков, дает души людям, животным и всему, живущему на земле.

Сингкэлэвун – обряд добывания охотничьей удачи (от эвенкийского *сингкэн* – удача, счастье) – один из самых древних охотничьих обрядов всех групп эвенков. Ранее этот обряд представлял собой восьмидневное шаманское камлание – «магическую охоту» с целью добывания души лося. В настоящее время обряд выполняется охотниками без участия шамана, но с той же целью – добыть охотничью удачу (душу лося). Из ивовых прутьев изготавливают фигуру лося (реже – дикого оленя), которую устанавливают на краю обрядовой площадки. Затем вооруженные луками и стрелами охотники имитируют процесс охоты: находят след лося, скрадывают его и стреляют. Лучшее завершение «охоты» – это попадание стрелы в лося и его падение (поэтому к его ноге заранее привязывают веревку или *маут* (лассо) и в момент попадания сваливают добычу). После этого «лося» разделяют и складывают на лабаз. Считается, что таким образом удача добыта.

Завершают обрядовую часть праздника эвенкийские хороводы, так как в эвенкийской среде хороводные запевы все еще носят особый сакральный смысл, связанный с ритуальной практикой.

Эвены: этноисторический обзор

Эвены – самоназвание *ывын, эбен, эвун* – один из коренных малочисленных народов Дальнего Востока и Восточной Сибири. Эвенский язык относится к тунгусо-маньчжурской ветви алтайской языковой семьи. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Российской Федерации проживало 21730 эвенов, основная их часть живет сегодня в Республике Саха (Якутия), Магаданской области, Камчатском и Хабаровском краях.

У эвенов сформировались три основных типа хозяйственной деятельности: таежное оленеводство, смешанное таежно-приморское хозяйство (охота, оленеводство и рыболовство имели одинаковое значение) и безоленное хозяйство рыболовов-охотников, основу которого составляло прибрежное рыболовство. Смешанным таежно-приморским хозяйством занималось около 70% эвенов. Они перемещались более чем на тысячу километров весной – из континентальной тундры к Охотскому морю, осенью – обратно.

Модель мира в религиозно-мифологических представлениях эвенов была в целом традиционна для тунгусо-маньчжурских народов Сибири. Модель

Вселенной (*Нээлбээн*) делилась на верхнюю, среднюю и нижнюю сферу (миры). Средний мир представлялся однослойным — это был мир живых людей, животных, птиц и растений. Нижний мир (мир умерших) и Верхний мир (мир богов) представлялись многоярусными. Средний мир, по представлениям эвенов, был населен различными духами: духом земли, духом воды, духом огня, а также бесчисленным количеством духов леса, местности, горы, перевала, реки, озера, скалы, предметов и вещей. В Нижнем мире (*Буни*) обитали злые духи – *аринкил* и *ибдырил*, причиняющие людям зло и посылающие болезни. Верхний мир – обиталище Верховных божеств, страна небожителей: богов солнца, луны, молнии и грома. Верховное божество *Сэвэки* представлялось в образе старца, дарящего жизнь всем людям, животным, растениям и являющегося главным держателем нитей человеческих жизней (судеб).

Луна *Илан* (возникшая от кремня и символизирующая женское начало) и Солнце *Нелтин* (возникшее от огнива и имеющее мужское начало) также занимали особое место в сознании эвенов. Луне и Солнцу посвящался обряд почитания, сопровождающийся ритуальным танцем. Во многих мифах эвенов мужское и женское начала выступают как две равные противоположности, от слияния которых возникают небо, земля и люди. Согласно мифологии, Небо *Нянин* и Земля *Тээр* — основные сущности мироздания, порождающие и поддерживающие жизнь на земле. Небо олицетворяет собой мужское начало (отец), Земля – женское начало (мать).

Священный олень-кудъай

Свое основное достояние – оленей – эвены называли *нолтэн оролни* (солнечные), а оленят – детьми солнца. В эвенских традициях олень – священное животное, посланное им богами. Олени сопровождают человека не только на Земле, но и на небесах, куда он может попасть только верхом на олене. С незапамятных времен эвены почитали оленя – *кудъая* – покровителя не только отдельного человека, но и всей семьи, всего рода. *Кудъая* специально выбирают из множества оленей опытные оленеводы – старики или отцы семейства, а в старину *кудъая* выбирали шаманы. *Кудъаем* мог стать только олень белой или пестрой масти, у которого была божественная отметина *Тигок* – комок волос под кожей на шее.

Традиционный календарь

Народный календарь эвенов основан на исчислении сезонов и месяцев соответственно частям человеческого тела, что было характерно не только для эвенов, но и для других народов Сибири и Центральной Азии. Эвены делят год на тринадцать лунных месяцев и считают их по голове и рукам: начало года – макушка головы, следующий месяц – левое плечо (год спускается), последний месяц – правое плечо (совершив круг, год поднялся). Охотничье-олeneводческий календарь эвенов подвергся воздействию общепринятого календаря. Однако архаичный календарь не совсем потерял актуальность – им до сих пор пользуются старики в оленеводческих стадах.

Эвены: традиционное природопользование

Охота, оленеводство и рыболовство составляли основу комплексного кочевого хозяйства эвенов. Ареал кочевий разных родов охватывал огромную территорию от низовьев Вилюя до Индигирки, от низовьев Алдана до Охотского моря.

Охота на диких животных (оленья, лось, горного кабана, кабаргу) и птиц (глухаря, рябчика, гуся, утку) служила важнейшим источником обеспечения всех основных потребностей эвенов. Эвены охотились на медведя, волка, орла, лебедя и некоторых других птиц, но охота на них регулировалась особыми правилами и обрядами. Также достаточно распространенным был пушной промысел.

Оленеводство (изначально имевшее сугубо транспортное назначение) стало важной отраслью традиционного хозяйства эвенов, сформировавшей особый кочевой уклад жизни и самобытную культуру эвенов.

Полуоседлые рыболовы составляли примерно 5% от общего числа эвенов. Большую часть года они проводили на побережье Охотского моря, занимаясь промыслом рыбы и морского зверя. Зимой они охотились в тайге, как правило, недалеко от постоянного места обитания.

В прошлом сборы дикоросов не уступали по своему значению охоте и оленеводству. Весной эвены собирали различные корни, которые использовались в еду и как лекарственные средства. Для употребления в пищу собирали листовенничную заболонь, побеги жимолости, сарану, кипрей, молодые почки. Собираательством занимались не только в весенне-летний

период, но и в другие сезоны. В августе поспевали ягоды: брусника, смородина, голубика. В тополиных рощах собирали *игэлтэ* – красную ягоду. Осенью собирали кедровые орехи, которые даёт кедровый стланик *болгит*. Собирательство имело подсобный характер. Эвены не стремились заготавливать ягоды, орехи, съедобные корни на зиму. Все собранное употреблялось в свежем виде.

Вьючно-верховое оленеводство

В условиях густых лесов и труднопроходимой северо-восточной тайги передвигаться гужевыми упряжками на нартах было трудно и сложно, а зачастую и невозможно. Поэтому эвены, исконные обитатели таежной зоны, использовали оленя под седлом и вьюком. Верховая и вьючная езда использовалась круглогодично, особенно при перекочевках в летний период.

Оленей (*оралбу*) эвены подразделяли на две группы: вьючных (*инучэ*) и верховых (*учак*). Под вьюк (*ин*) они использовали самых рослых, «жилистых» – сильных, по характеру спокойных и не очень пугливых – кастрированных самцов и яловых важенков, обученных этому делу. Такой олень мог нести на себе 25-30 кг. Верховым под седока мог быть не всякий олень. Для данного дела также выбирали самого крупного и сильного животного и очень дорожили им. Ходить под вьюком оленя приучают с двух лет, под верховую езд – с четырех-пяти.

Узкие таежные тропы приучили оленей следовать гуськом — друг за другом. Поводок от головной веревки каждого последующего оленя привязывали к седлу предыдущего. Для этого на задних луках грузовых седел укрепляли специальные роговые или костяные пластинки. И таким образом получался длинный караван, тянувшийся на сотни метров, а если семья многочисленная или богатая – почти на километр.

Летние кочевые тропы обычно проходили по водоразделам, зимние – по рекам или безлесным участкам («*тундрам*»). Порядок движения во время кочевки и перекочевки был строго организованным и в разные сезоны года имел отличительные особенности. Летом в первую очередь перегоняли стадо с остановками на отдых. А за ними через час или два в том же направлении, но другими дорогами, ехали всадники с хозяйственными караванами вьючных оленей.

Упряжное оленеводство

Зимний упряжный транспорт наиболее удобен и экономичен в условиях открытых пространств. Им пользовались, прежде всего, в тундре и лесотундре. Его преимущества очевидны: если обычный вес вьюка составляет 20-40 кг, то на нарту грузят 100-160 кг. Вьючные олени движутся со скоростью 3-4 км/ч, а нартовые – 12-13 км/ч. Нарты *турку* делают в основном из лиственницы, ели, березы.

Кочевой образ жизни требует особенно строгого порядка размещения всех вещей. Поэтому при переездах эвены части чума, домашние вещи и прочую утварь размещают на специально предназначенных нартах, которые по устройству и назначению разделяются на легковые и грузовые.

При перекочевках в караван соединяют 5-6 (редко больше) нарт. Олени грузовых нарт привязываются к задку впереди идущей нарты с помощью ремня. Передняя грузовая нарта привязывается к легкой, ведущей караван. Ведут такие группы саней обычно женщины. Весь обоз ведет мужчина, едущий отдельно впереди на легкой нарте. Грузовые нарты в караване располагаются в определенном порядке: впереди с мягким грузом, затем с ящиками, досками и пр., последними следуют нарты для шестов.

Упряжное собаководство и коневодство

Распространение в XVII-XVIII вв. скотоводческой культуры на северо-восточные и юго-западные окраины Якутии, а также постепенное уменьшение численности «мясных и пушных зверей» вследствие беспорядочной охоты на них и связанное с этим падение охотничье-олeneводческого хозяйства, послужили экономическими условиями для перехода части тунгусов к разведению крупного рогатого скота и лошадей.

В XIX веке коневодство в Якутии практически не развивалось, и к концу века насчитывалось всего 115—130 тыс. голов лошадей. У эвенов поголовье лошадей стало сокращаться в начале XX века из-за массовой эпизоотии. В начале 1930-х гг. богатые эвены-олeneводы ещё разводили лошадей, держали круглогодично на подножном корме, зимой пасли отдельно от оленей, а летом – вместе.

Предки эвенов, согласно распространенному мнению, не знали этого вида передвижения. Оно было заимствовано ими у северных аборигенов побережья Ледовитого океана в более поздний период – в XVII—XVIII вв.

Собаки стали главными транспортными животными у эвенов, главным занятием которых было рыболовство, т.е. у тех, кто жил по берегам крупных рек и на побережье северных морей. Это объясняется тем, что именно с помощью рыболовства, морского промысла можно было иметь достаточные запасы корма для собак.

Поселения и жилища

К началу XX в. у эвенов существовали три типа населенных пунктов: стойбища оленеводов и охотников, поселки оседлых жителей и заимки.

Стойбища, представляющие собой небольшие временные поселения, обычно располагались на маршрутах кочевий оленьих стад. В них обитало 2–3 семьи, чаще всего родственников. Более многочисленными стойбища становились весной (собиралось до 70 и более юрт), еще больше людей собиралось на праздники, общие собрания и встречи родственников.

Посёлки оседлых эвенов и заимки концентрировались на побережье Охотского моря и в бассейне Анадыря, местах, удобных для промысла рыбы или морского зверя, а также по соседству с уже существующими населёнными пунктами. Некоторые из них со временем превращались в крупные посёлки.

Традиционные переносные жилища кочевых эвенов – это *илуму* (чум) и *чорама-дю* (юрта). *Илуму* – коническое сооружение из жердей, а *чорама-дю* – цилиндрико-коническая постройка.

На территории расселения эвенов наиболее распространенной формой жилья был конический чум, поскольку он компактнее юрты. Берестяные чумы вышли из употребления в 1930-е годы из-за сложности изготовления берестяного покрытия. Дольше сохранялись ровдужные чумы. В настоящее время в чумах коптят мясо, а для их покрытия используют брезент.

Юрты также были непременным атрибутом эвенских поселений, особенно в северных безлесных районах Якутии. Оленеводы до сих пор используют юрты в тундре на северо-востоке Якутии, так как они хорошо защищают от пронизывающих ветров, господствующих зимой на побережье Ледовитого океана.

Пища

Основу питания эвенов в прошлом составляли мясо и рыба. Домашних оленей редко убивали для питания. Мясу диких животных эвены отдают предпочтение до сих пор. Наиболее часто мясо употребляют в вареном виде. За лакомство почитался еще не остывший головной и костный мозг из голени оленя, отростки молодых рогов. Любимым блюдом всех эвенов были сырые почки *боста*, печень *хакан*, глаза *ясал*, легкие *эвто*, горловина *капка* и носовой хрящ *носма*.

С XVII и до начала XX столетия почти все группы эвенов занимались доением важенок (самок домашних северных оленей). С оленьим молоком пили чай, а также получали из него масло, сметану *керчэх*, кефир. В XVII–XVIII веках, благодаря русско-якутской торговле, к эвенам проникли мука, крупы, соль, чай, сахар, табак и водка.

Домашняя утварь и ремесла

Одним из видов хозяйственной деятельности, формировавших быт и материальную культуру эвенов, было изготовление домашней утвари и предметов промысла. В конце XIX – начале XX вв. эвены пользовались посудой из дерева и бересты. Встречались в хозяйстве медные или чугунные котлы с дужкой, медные чайники, которые приобретались у соседних народов.

В быту эвены часто применяли оленьи и бараньи рога. Из бараньих рогов делали ложки, ковши, черпаки. Такие ложки сохранялись очень долго. В хозяйстве употреблялись и крюки из рогов домашних и диких животных для подвешивания в жилище посуды, колыбелей. Из замши, ровдуги, лапок птицы, кожи рыб, покупных материалов женщины шили всевозможные сумы и мешки для хранения меховой одежды, кусков меха, шкурок, запаса древесных стружек и т.п.

Одежда

Основными материалами для ее изготовления одежды служили мех и ровдуга. Мужской и женской верхней одеждой были распашные кафтаны, завязывающиеся сверху двумя-тремя ровдужными ремешками, а под кафтан надевался нагрудник. Также в комплект одежды входили натазники, ноговицы, наколенники, унты, шапка, рукавицы или перчатки, которые наглухо пришивались к рукавам. По покрою и составу верхняя одежда была

одинаковой для представителей обоих полов, отличия состояли лишь в украшениях.

Средства передвижения

Единственным транспортным средством для большинства эвенов в прошлом был олень. Его использовали в любое время года. У пеших тунгусов или оседлых эвенов средством передвижения служили собаки. Под выюк использовали любого обученного оленя, для верховой езды отбирались наиболее крупные особи. Постепенное заселение лесотундры и тундры, сопровождавшееся контактами с чукчами и коряками на востоке и с самодийскими народами на западе, привело к распространению нартов-упряжного оленного транспорта. Этот вид транспорта стал распространяться среди эвенов с середины XIX века. Традиции верховой и вьючной езды сохраняются и сегодня. Однако в последнее время для этих целей все чаще используют лошадей, т.к. они способны перевозить большой груз.

Лыжи

В конце XIX – начале XX вв. почти все группы эвенов и эвенков пользовались охотничьими лыжами. У эвенов были два типа лыж: не скользящие и не обшитые голицы – *кайса* и скользящие, подшитые – *мэрингтэ*. Лыжи должны быть легкими, гибкими, прочными, с ровным ходом и хорошим скольжением. Поэтому нужно было точно определить их длину, толщину и ширину, для чего была выработана определенная система. Мерой длины служил рост будущего владельца, ширину в средней части лыжи определяли двумя расстояниями между вытянутыми большим и указательным пальцами (30—40 см). Концы лыжи несколько суживали (до 27 см), иногда задний конец делали уже переднего. Очень сложно добиться нужной толщины доски, а ведь от этого зависит эластичность лыж. Толщина не должна была превышать 4-5 мм. Лишь опорную площадку, где ставится нога, делают более плотной.

Кроме камусных зимних лыж эвены, как и другие таежные охотники, пользуются голицами. В отличие от подшитых, они более разнообразны по размерам и, особенно, по форме, которая иногда повторяла форму подшитых лыж. Голицы используются главным образом весной по насту, когда передвижение на подшитых лыжах в лесу затруднено. Способ изготовления тот же, что и лыж *мэрингтэ*, но голицы отличаются более грубой обработкой

и тем, что их не выгибали. А поскольку они не выгибаются, толщина не играет такой большой роли, как для *мэрингтэ* – следовательно, они могли быть без обшивки. У этих лыж лишь передний конец слегка отогнут.

Водные средства передвижения

Водными средствами передвижения пользовались главным образом оседлые эвены, живущие на морском побережье и вдоль крупных рек. Для этой цели они часто приобретали лодку у соседних народов.

Эвены пользовались лодками трёх типов: долблеными, каркасными и составными. Долбленка-ветка была незаменима в таежном хозяйстве. На ней отправлялись ставить и проверять сети, охотиться на водоплавающую дичь. Кроме того, пользовались при охоте на диких оленей, загоня их в воду. Ветка быстроходна и маневренна, легко проходит по мелким рекам и ручьям, преодолевая перекаты. В конце XIX – начале XX вв. некоторые группы эвенов также использовали каркасные лодки-берестянки, характерные для таежной культуры тунгусо-маньчжурских народов – эвенков, нанайцев, ульчей, негидальцев. Берестянки изготавливались в богатых березняками районах. Кроме лодок-долбленок и берестянок, в начале XX века эвены стали пользоваться и составными челноками, которые были распространены в северной зоне Якутии. Составной челнок относится к плоскодонному типу и делается из трех-четырех досок. Плоскодонки имелись только у тех эвенов, которые жили на одном месте и летом постоянно занимались рыболовством.

Эвены, окружающая среда и изменения климата

... Тысячелетия прокочевал
народ мой по пространствам, временам
вдоль по своей судьбе – и вот вошел
с другими вместе в двадцать первый век,
и сохранил обычаи свои,
а это значит: сохранил себя.

Неписаных законов древний свод
эвены чтят и дышат ими так,
как прежде предки их, так и теперь
потомки: это воздух жизни их. ...

Порою и могучая гора,
что подпирала небо искони,
противиться стихиям устает
и начинает разрушаться так,
что исчезает под покровом туч,
как будто бы и не было ее.

Так есть ли у народа моего
на будущность надежда или нет?
Туманна даль веков, откуда шел
к сегодняшнему мой народ.

Грядущий век кометой пролетит –
что станет с эвенами тогда?
Не отомрет ли древний их язык,
не позабудутся ли сказки их,
не отзвучат ли заговоры их,
сказания, распевы, детский смех?

Андрей Кривошапкин, народный писатель Якутии

У эвенов особое отношение к природе. Так было в течение многих веков. Почтительное отношение к природе передается из поколения в поколение, трансформируясь в традиционные знания. Эвены с давних времен понимали и высоко ценили свою связь с природой. Так у них зародилась идея о сбережении тайги, рек и озер, гор и святых мест. Этому они учили своих детей, воспитывая в них чувство преклонения перед матерью-природой. Благодаря такому отношению к окружающей природе, эвены адаптировались к любым переменам климата. От сильных ветров спасались в таежной глуши. По таежным тропам в зимнее время выслеживали пушных зверей, охотились на лосей. По горным кручам подкрадывались к снежным баранам *уямкан*. Не истребляли пушных зверей и копытных животных, а добывали столько, сколько требуется в данное время. Так было заведено издавна, ведь тайга была для них вечной кладовой.

Я помню, как мать говорила мне: «Сынок, мы все живы-здоровы, пока наша мать-тайга жива. Она для нас спасение, наше жилье. Будь осторожен с огнем. Когда вырастешь, детей своих учи уму-разуму, чтобы оберегали тайгу.

Пожар в тайге для нас гибель. Олени погибнут. Без них и мы пропадем. Звери уйдут из тайги». Я всю жизнь соблюдал эту заповедь.

Сейчас часты лесные пожары, виновником которых нередко является человек. Беспечные люди, называющие себя горожанами, далеки от тайги, они не берегут ее: разводят костры, не считаясь с правилами безопасности.

Эвены обращаются с огнем осторожно. Оленеводы или охотники костер разведут на самом безопасном месте, где мало травы, рядом нет сухих сучьев и, самое главное, вблизи водоема. Такое бережное отношение основано традиционных знаниях. Эти неписанные знания несет в своем сердце и душе каждый эвен.

Мое детство прошло среди оленей, которых пасла наша мать. Нас, детей, было трое: старшая сестра, я – средний, и наш младший братишка. Мы часто кочевали. Я допытывался у матери: почему так часто? «Это нужно оленям. Их надо пасти по свежим горным лугам и незатоптанным ягельникам. Пока олени здоровы и упитаны и нам тепло и сытно», – отвечала мать.

Откочевываем на новую стоянку. Каждый раз - новые впечатления: зеленые поляны, густые тальники, невысокие сопки, а за ними - цепь горных кряжей. Мать быстро снимает вьюки и седла оленей. Не сразу берётся за установку *илуму*. Жерди *ирука*, составляющие остов *илуму*, – длинные, гладкие от долгого использования, будто полированные, жерди – при любых кочевках, летом и зимой, эвены брали с собой. Когда они под рукой, жилище сооружается быстро и нет надобности рубить новые деревья. Кроме того, на пути кочевий не всегда найдешь нужные тонкие деревья, годные для *ирука*. Все просто: и людям удобно, и лес сберегается.

Помню, как мать тщательно подбирала место под костер. Она все учла: чтобы олень не наступил ненароком копытом на горящие угли, чтобы искры от костра при ветре не перекинулись на одежду или покрывало *илуму*, и, самое главное, чтобы не случился пожар от костра. Все она умела предусмотреть.

Мы, дети, не были пассивными наблюдателями, но, выполняя свои дела (у каждого были свои обязанности: я собираю хворост для растопки, сестра сходит за водой), следили за действиями матери и запомнили материнские уроки на всю жизнь, а потом передавали своим детям.

Наконец подходящее место для костра выбрано. Мать готовит очаг: приносит с речного берега камни и обкладывает ими место костра, чтобы пламя не перекинулось на траву или ягель. Простая, но верная мера противопожарной безопасности в тайге.

После долгожданного чаепития помогаем матери ставить *илуму-чум*. Покрывалом могла служить легкая замшевая кожа, но чаще – палаточный материал. Мать между делом приговаривает: «Покрепче завязывайте узелки, чтобы когда ветер налетит, он не унес покрывало». Затем снаружи подкрепляли чум свободными жердями.

Тайга – дом для многих. Несведущим может показаться, что там вольному воля, делай, что захочется. Это, конечно, не так. Обитатели тайги, если можно так выразиться, «прописаны» здесь самой природой, и человеку, считающему тайгу своим домом, прививаются такие качества, как благородство и сострадание. Приведу несколько примеров.

Однажды мой дед, всю жизнь проживший в тайге, взял меня с собой на охоту на снежных баранов *уямканов*. С пищей у нас всегда было туго, и я очень хотел, чтобы дед подстрелил *уямкана*. Долго ездили верхом на оленях по горам, часто останавливались и тщательно осматривали местность. Ничего не подвернулось. День клонился к вечеру. Солнце, еще совсем недавно ослепительно-золотистое, медленно садилось за гору, на глазах краснея, будто в досаде за нашу неудачу. Дед предложил мне повернуть домой, сказав, что нам и оленям нужен отдых. Я согласился, но робко предложил поехать по горам, не сказав деду о том, что горы очаровали меня. В горах я чувствовал себя уверенно, повзрослевшим и сильным, хотя мне было лет восемь. Дед улыбнулся одними глазами. Через некоторое время дед, проворно для своих лет, соскочил с оленя на землю и потянулся за берданом.

У меня заколотилось сердце, от волнения кровь хлынула в голову, стало вдруг жарко. Дед кивнул на скалу. Я оглянулся и увидел *уямкана*: самка безмятежно лежала спиной к нам. В мыслях я уже предвкушал добычу. Мы отвели оленей в лесок, оставили их там на привязи и стали подкрадываться. Дед двигался бесшумно, я за ним не дыша. Напрямик дед не пошел, стал медленно подниматься по склону. Как я потом понял, дед решил выйти на *уямкана* сверху, чтобы был хороший обзор.

И вот, наконец, мы осторожно выглянули. *Уямкан*, не замечая нас, по-прежнему был спокоен. Дед зарядил бердан и махнул мне рукой, чтобы я не

высовывался. Я отполз назад и замер в ожидании выстрела. К моему удивлению, выстрела не последовало: дед опустил бердан, продолжая смотреть в сторону *уямкана*. «Дедушка, почему не стреляешь?» – спросил я шепотом. «Посмотри», – дед оглянулся на меня, и я увидел, как снизу, из-за камней, вышел *бочикан* – детеныш *уямкана*. «Жалко стало *бочикана*. Тебя вспомнил. Пусть подрастает», – дед медленно раскурил трубку.

Эхо этого поучительного эпизода через много-много лет я услышал, когда я сам уже стал дедушкой. Как-то я поехал на охоту со старшим, уже взрослым, сыном. Пока мы ехали по лесу в нескольких местах увидели свежий медвежий помет. На дереве зверь оставил шерсть, видно терся спиной. А выше он клыками ободрал кору дерева. Мы поняли, что хозяин тайги где-то рядом и следит за нами. И, кроме того, мы знали, что оставляя метки на дереве, медведь предостерегает нас: это его владения. Нам стало не по себе. Едем дальше, настороженно вглядываемся в каждую корягу, островки стланика.

Впереди показалась горная речка, она протекала между высоченными гольцами. Спускаемся к речке, перед нами открывается изумительная панорама горных кряжей. Суровые и неприступные гольцы будто дремали под ярким солнцем. Мы долго ехали вверх по реке и останавливались несколько раз, чтобы осмотреть крутые гольцы в бинокль. По пути ни одной полянки, только камни, лошадям идти трудно. Подъехав к верховью, поднимаемся по склону горы. Справа видим небольшую речушку, текущую по каменному каньону. Мы невольно остановились, очарованные красотой горного ландшафта. С обеих сторон вниз сползали зеленые склоны гор. Вокруг оглушительная тишина и безмерное спокойствие.

Вдруг сын тихонько толкнул меня в бок и шепчет: «Смотри, вон слева под выступом *сутэнчэн* (самка снежного барана) с детенышем пасется». Подвожу бинокль к глазам и тут же вижу снежных баранов *уямканов*. Их двое. Рядом с нею пасется *бочикан*-детеныш. Местность для подкрадывания самая подходящая, лучше не придумаешь, да и ветерок дует в другую сторону: *уямкан-сутэнчэн* не учует. Есть возможность незаметно приблизиться и с близкого расстояния сделать прицельные выстрелы. Я сказал об этом сыну, но он не сразу отозвался, он наблюдал за *уямканами*. Я его не торопил, пусть любит. Через некоторое время, сын повернулся ко мне, правой ладонью протер вспотевший лоб и улыбнулся: «Знаешь, отец, увидев

бочикана, вспомнил про свою дочку Улю». Обычно сын улыбается широко и добродушно, а тут его улыбка была смущенной. Его внутреннее состояние передалось мне, поэтому, несколько волнуясь, я сказал: «Пусть пасутся, не будем их трогать. Поехали дальше».

Не случайно это произошло. Сын подростком каждое лето кочевал вместе с бабушкой и дядей со стадом оленей. Прошел через традиционную эвенскую жизнь и усвоил наши традиционные знания.

Еще два случая из моих таежных кочевок. На отдых люблю ездить к своим сородичам-эвенам, оленеводам. Поехал и на этот раз, с другом. Естественно, азартно лазили по горам. И тут произошли два эпизода, связанные с лосями, которых мы по-эвенски называем «токи». А по-русски мне больше нравится не лось, а сохатый.

Как-то поехал я на охоту один, друг остался в палатке, намереваясь починить сбруи, выючные сумы. Весна выдалась многоводной, черная большая вода наполнила все горные реки. На рожон я не лез, переправиться на лошади через бушующие реки не пытался, а медленно ехал себе по подножьям сопок. *Уямканов* не видно, но это обстоятельство не сильно меня тяготило: мне важен сам факт отдыха верхом на лошади, свежий горный воздух.

Впереди в низине зелёная чаща осанистых тополей и густых тальников. Красота неопишная. Я решил проехать мимо этого таежного чуда. Только приблизился к чаще, как моя лошадь повела левым ухом и резко повернула голову к реке. Посмотрел и я и невольно издал изумленный возглас: через мутную реку переправлялась лосиха. Над водой отчетливо видна ее безрогая крупная голова, холка и часть спины. От меня до нее не так далеко – один выстрел и добыча моя. Течением тушу далеко не унесет: коряг, тальников много, там и застрянет. В любом случае достану тушу. Но что еще вижу: о, боже, лосиха не одна! Рядом с ней, впритык, будто привязанный, плыл лосенок. Лосиха-мать явно почуяла меня и сочла переправу через полноводную реку спасением. Она подтолкнула детеныша в воду, а сама поплыла рядом. При этом она заняла самое верное положение, приспособив детеныша с правой стороны, чтобы его не унесло течением. И детенышу вольготно за надежной спиной матери.

Позабыв об охотничьем азарте, я наблюдал за сохатыми. Лосиха, выбравшись на другой берег, повернула в мою сторону горбоносую голову и, удостоверившись в том, что их не преследуют, не мешкая, повела детеныша в

ближайший лес. Откуда ей знать, что я и не думал на них охотиться. Я был до глубины души растроган увиденным. Как я подниму руку на лосиху с лосенком? Это было бы бесчеловечно и кощунственно.

Вернувшись в палатку, я рассказал своему другу о том, что произошло. Он деликатно промолчал, но за чаем вскользь проронил: «Сохатый – объект охоты. Все же стоило попытаться добыть». Я не стал с ним спорить, только сказал, что мы оба – эвены, а наши сородичи по-другому не поступили бы.

Но история на этом не закончилась. Прошло несколько дней. Хорошо отдохнув, мы вернулись в село. Мой отпуск подходил к концу, и вскоре я улетел в город. Зимой я встретился с другом, и вот что он мне рассказал.

После моего отъезда друг поехал в стадо к оленеводам. Поработав там, он возвращался в село. На той речке, где я видел лосиху с лосенком, его охотничья собака напала на след сохатого и помчалась за ним.

У эвенов-охотников есть неписанный закон: если собака уходит в погоню за зверем, ее не оставляют одну, а стараются догнать зверя и добыть. Друг до вечера ехал по следам сохатого и собаки. Вечерний воздух стал густеть, когда до слуха охотника донесся долгожданный собачий лай. Оказалось, что собака сумела остановить сохатого на поляне. Недалеко темнел спасительный для сохатого лес. Друг, подгоняемый предстоящей удачей, сумел подобраться близко к сохатому. Уже поднял карабин, прицелился, но что-то его остановило. Собака вертелась вокруг зверя, заливаясь лаем, а сохатый все время менял позицию, непременно оказываясь мордой к собаке и норовил ударить её копытами.

Охотнику показалось, что сохатый двигается как-то неуклюже. Опустив карабин, он посмотрел внимательнее и ахнул. Сколько ни охотился, ни разу ему не приходилось видеть такое. Оказалось, что перед ним не сохатый, а лосиха. Между задними ногами, она спрятала лосенка и изо всех сил защищала его. Друг понял, что перед ним «моя» лосиха с лосенком. Он громко позвал собаку. Та не послушалась, а наоборот – с еще большим озлоблением стала кидаться на лосиху. Тогда мой друг вышел из зарослей тальника и поймал собаку. Лосиха с лосенком, очевидно, сильно устали – даже при виде охотника они не умчались в лес. Зрачки у лосихи расширились, она шумно всхрапывала, а задними ногами сильнее сжала лосенка. Вероятно, она смирилась со своей участью, но все мысли её были о детеныше. Друг отвел собаку, ласково теребя ее за ушами. Мне он сказал,

смеясь: «Я вспомнил твой урок. Зачем убивать лосиху? Лосенок ведь погибнет без матери». Это был честный и благородный поступок эвено-охотника. Через год-два на той речке будет больше сохатых: это же таежная кладовая. Лишь бы не навредили браконьеры.

Наледи

Наледи – это незамерзающие водные потоки, выступающие из-под земли на поверхность ледового покрова в самый разгар студеной зимы. Они представляют собой серьезную опасность для жизни людей. В прошлом эвены четко знали местонахождение каждой наледи и потому знали, как их объехать, какие меры предосторожности принять. По опыту кочевой жизни хорошо знали характер и периодичность появления наледей на поверхности льда. Зимняя санная дорога прокладывалась оленьими упряжками по замерзшим горным речкам. Именно на таких речках чаще всего бывают наледи. Но другой дороги нет: неприступные заоблачные цепи горных кряжей не позволяли проложить объездные пути. Не всякий олень может пройти через наледи. Эвены специально учат сильных упряжных оленей, натаскивают их для езды по наледям.

Каждая наледь, по верованию эвенов, имеет свой дух, и эвены общаются с ними. Они преклоняются перед духом наледей и всегда просят его быть снисходительным к ним. Бывали случаи, когда люди погибали при наледных переходах. Такие трагедии случаются, когда упряжные олени отказываются переходить кипящие, «дымящиеся» наледи. Кочевому человеку ничего не остается, как самому шагать в торбазах по наледи.

Действительно, другого выхода нет. Поблизости нет ни одного зимовья или охотничьего чума. А вокруг темная ночь, полное безмолвие. Если человек едет один, его ждет неизбежная гибель. Зная про смертельные опасности, эвены при дальних кочевках высчитывают моменты перемены в поведении наледей. При облачной зимней погоде наледная вода исчезает, протекая подо льдом. Зато подстерегает другая напасть: ледяная вода замерзает и предстает перед эвеном-кочевником во всей своей зеркальной глади. Лед настолько гладкий и скользкий, что олени «пляшут» на ледяном пяточке и то и дело падают. А ведь им еще надо тянуть за собой груженные нарты. И в таких случаях спасение только в сильных и хорошо обученных упряжных оленях, умеющих без понукания упорно тянуть лямку. Эвены знают, что нужно

делать при перемене характера наледей на горных реках. Без таких знаний кочевые эвены давно бы вымерли.

А когда зимнее небо чистое, без облаков, а морозы жгучие, студеные, наледная вода дымит, течет, образуя снежную жижу. Полозья нарт покрываются толстым слоем ледяной корки. Я сам в молодости довольно часто ездил по таким наледям. Расстояния от одного жилья до другого такие, что к наледям подъезжаешь, как будто нарочно, в темноте. Вся трудность и сложность именно в этих ночных переходах по наледи. Днем, при свете, опасности меньше.

Но грех валить все трудности на наледи. В суровой кочевой жизни иногда даже наледи приходят на помощь. Скудность провизии, когда охотничья удача отвернулась, вынуждает эвена искать счастья у наледей. Обычно зимой в наледных водах зимуют рыбы – хариусы. Эвены берут с собой самодельные удочки и с надеждой едут к наледи. Дух наледей чаще всего проявляет снисходительность, позволяя поймать юрких хариусов. Тепло и уютно становится тогда в чумах. Будучи малышом, я не раз лакомился вареной рыбой, пойманной из наледи. Умение предков ловить рыбу и в таких нестандартных ситуациях передалось и мне.

На Крайнем Севере в наше время уже редко кочуют на оленьих упряжках. Эвены постепенно отходят от традиционных знаний, умений и навыков, адаптируясь, приспособляясь к современной жизни. Оленьи упряжки заменили грузовыми автомашинами, которые нарушили структуру, конфигурацию наледей. Теперь наледей как таковых нет: реки целиком превращаются в сплошные наледи. А это очень опасно для людей.

Довольно часто грузовые автомашины погружаются в наледи, ломаются, выходят из строя. Товары, продовольствие, ГСМ часто перевозят на частных автомашинах жителей эвенских сел, купленных ими с большим трудом у их городских владельцев, и, как правило, это старые, отработавшие свой ресурс машины. Вот несколько примеров.

В январе 2013 года эвены, среди которых были женщины и дети, выехали из одного затерянного среди гор села в другое на двух автомашинах. Им необходимо было попасть в город. А из второго села уже легче было ехать дальше, в город, на такси. Грузовые автомашины, на которых ехали эвены, не имели регистраций в органах дорожной инспекции и поэтому не могли въезжать в город. По пути машины увязли в наледи да ещё одна из них

сломалась. Кое-как люди выбрались на берег. На их счастье, недалеко стояла охотничья избушка. Случайно подъехали бензовозы и помогли эвенам, сообщили о происшествии в село. Только благодаря случайному стечению обстоятельств никто не пострадал. А мороз стоял жуткий. А что бы случилось, если поблизости не оказалось охотничьей избушки?

Раньше все перевозки людей, продовольствия, промтоваров, горюче-смазочных материалов делались на самолетах АН-2. Теперь этих самолетов нет, их заменили автозимники, от которых одни убытки. Нужна ли такая адаптация? Скорее всего, конечно, нужна, иначе жизнь на Крайнем Севере захиреет. Эвенам, как и всем другим северянам, надо выживать, а для этого, хочешь – не хочешь, приходится адаптироваться – но уже не только к естественным изменениям в природе, а и к тому, что делают люди.

В последнее десятилетие заметно участились весенние паводки. Река Лена, одна из крупнейших рек мира, приносит много бед и страданий. Подтопляются целые деревни, разрушаются строения, создается угроза жизни людей и домашних животных. Подобные наводнения стали нередки и на других крупных северных реках – Индигирке, Яне, Колыме. В газете «Якутия» от 5 августа 2013 года помещена такая публикация:

«Абыйский улус просит о помощи!

Летнее половодье на реке Индигирка нанесло существенный ущерб жителям с. Кэбэргэнэ Майорского национального наслега. В результате пострадали 16 домов, в которых проживают 133 человека, и полностью подтоплены 34 дома, в которых живут 72 человека.

Глава Абыйского улуса Рина Винокурова обратилась к жителям и руководителям предприятий с призывом проявить милосердие к своим землякам, оказать посильную помощь – внести в фонд помощи пострадавшим от наводнения однодневную заработную плату для восстановления жилья, объектов социальной инфраструктуры с. Кэбэргэнэ».

Абыйский район находится на арктическом побережье Якутии. В районе имеется единственное село компактного проживания эвенков – село Кэбэргэнэ, в котором проживают 530 человек. В советское время здесь интенсивно развивалось оленеводство, сейчас осталось около 400 голов оленей. Это уже результат изменения не климата, а экономических

отношений. В районе имеет место передел естественных богатств – земли и озер – между состоятельными людьми. Эвены же в этих условиях чувствуют себя не очень уютно. А участвовавшие наводнения усугубляет положение эвенов и других жителей эвенского национального села.

Лебеди

В Якутии лебедя почитают особо, относятся к нему как к священной птице. Наверное, нет ни одного якутского поэта, который не писал бы стихи или не слагал песни об этой птице. У эвенов к лебедям такое же отношение, поэтому эвены не охотились на лебедей прежде, не охотятся и в настоящее время.

Недавно на нижней Колыме побывали якутские экологи. Глава Нижнеколымского района Иван Суздалов, представитель русских старожилов, рассказал экологам о лебедях совсем другую историю. «Живя здесь, мы видим, какие изменения происходят с окружающей природой. Раньше по берегам Колымы и ее притоков можно было наблюдать самых разнообразных птиц: гусей, уток, гагар. Сейчас это в основном лебеди, а давно известно, что если в каком-то месте обосновалась стая лебедей, то другие птицы в этом месте жить не будут» («Саха-Новости», 2 августа 2013 г.). Такая же ситуация, как рассказали экологи, сложилась и в соседнем Среднеколымском районе. Можно ли считать этот факт следствием изменения климата?

Подобные факты побуждают ставить вопрос о необходимости регулирования численности лебедей в северных улусах Якутии. Для его решения требуется работа на уровне исполнительной и законодательной власти не только республики, но и Российской Федерации, ведь лебедь – птица, включенная в Красную книгу, и, чтобы разрешить охоту на него, нужны соответствующие изменения в федеральном законодательстве.

В Министерстве охраны природы Якутии с этой проблемой тоже знакомы. «Я сам, будучи главой Среднеколымского улуса, ставил этот вопрос перед прежним министром охраны природы Василием Алексеевым. Но тогда он так и остался нерешенным. Думаю, его нужно снова поднимать на всех уровнях, привлекать орнитологов, проводить соответствующие исследования и на основании их результатов убеждать в необходимости принятия мер по регулированию численности лебедей», – так отозвался о «лебединой проблеме» министр Владимир Григорьев.

Нашествие волчьих стай

Волки опасны всегда. Эти хищники не оставляют в покое ни оленей, ни людей. Участились случаи травежа лошадей. В последние годы в Якутии количество волков, несмотря на принимаемые меры по их уничтожению, существенно увеличилось. В зимний период 2012-2013 годов из-за массового характера волчьих нападений на олени стада в ряде районов Республики Саха (Якутия) была объявлена чрезвычайная ситуация.

Эвены на протяжении веков относились к волкам с почтением. Слово «волк» вслух не произносили – пользовались иносказательными терминами, не затаптывали волчьих следов, иначе, как считали эвены, могла прийти беда. На волков специально не охотились. Такое отношение к волкам передавалось из поколения в поколение. В прежние времена волков было не так уж много, а в наши дни их развелось столько, что оленям нет покоя ни днем, ни ночью.

По просторам тайги и тундры бродят многочисленные стаи волков – почему их стало так много? Возможно, это связано с изменением климата. Из-за интенсивного таяния ледникового покрова на арктических морях береговые пастбища оказались под водой, стада дикого северного оленя перемещаются в таежную и горно-таежную зону. Волки, естественно, устремляются за ними. А там, в тайге и горных долинах, эвены пасут своих оленей.

Волк, с одной стороны, свирепый хищник, а с другой – зверь осторожный и осмотрительный. Одинокий волк просто так на человека не нападет, а вот нападение стаи весьма возможно. Эвенские старцы всегда напоминали молодежи о том, что при встрече с волчьей стаей нельзя пугаться. Ни в коем случае нельзя пытаться убежать, провоцируя волков на нападение.

Был такой случай с одним оленеводом – назовём его Семёном. Дело было зимой. Вернувшись из поездки к оленьему стаду, Семён подкрепился горячим чаем, поел оленины. Упряжных оленей отпустил и пошел проверять свои капканы. На склоне ближайшей сопки обнаружил следы соболя. Здесь, на следах, умело наострил капканы, вокруг снег подмел гладко, чтобы осторожный зверек ничего не учуял. Соболю обычно продвигается след в след. Пока оленевод лазил по склонам сопки, зимний день угас, стало смеркаться. Соболю, судя по всему, не появился. Но Семён знал, что рано или поздно зверек помчится обратно. А пока можно спуститься вниз. Здесь уже основательно стемнело, на темном небосклоне зажглись звезды. Семён шел по своей тропе, проложенной по редколесью вдоль речки.

И вдруг услышал близкий волчий вой. Из глубины леса донесся ответный вой. У Семёна на душе стало очень неудобно: ружья у него с собой не было, только тонкая березовая палка в руке. Семён быстро шёл вперед, до палатки недалеко – километра три. И тут он увидел несколько светящихся точек: это в темноте волчьи глаза горят. Что делать? Остановившись нельзя, волки его уже учуяли. Нарочно несколько раз кашлянул. Затем, вынув сигареты, закурил на ходу. Машинально рукой дотронулся до ножен: нож на месте. Это единственная защита в случае чего, но если дойдет до нападения, нож не спасет. Не сбавляя темпа, Семён приближался к палатке. Волки отстали. Интересно, почему не напали на одинокого человека? Может быть, стаю обескуражили его уверенные движения? В этом драматическом случае, оленевод, полагаясь на свои традиционные знания, сумел быстро найти выход, оказавшийся спасительным.

Медведи стали опаснее, чем раньше

Теперь немного о могущественном владыке тайги. Эвены веками обожествляли медведя. Не допускали непристойных, грубых слов в отношении него. Конечно, трудности жизни заставляли охотиться и на медведя, но такая охота от начала до конца сопровождалась специальным ритуалом. Так наши предки задабривали духа медведя, чтобы впоследствии он им не мстил. Раньше и медведи всячески уклонялись от встреч с людьми.

Перестроечные и постперестроечные новшества внесли косвенным образом существенные перемены и в поведение медведей. Лесные пожары всегда представляли для тайги страшное бедствие. В последние двадцать лет, когда государственная охрана лесов исчезла, пожары в тайге практически не потухают. Медведям ничего не остаётся, как мигрировать в поисках относительно безопасной жизни. Они попадают в северные таежные места, где кочуют эвены-олeneводы. В этих местах хватает собственных медведей, с которыми эвены сосуществуют долго и мирно. А вот медведи-пришельцы, заполонившие эти леса, стали вести себя крайне агрессивно.

Летние кочевки эвенов

Летом эвены-олeneводы часто кочуют с одного пастбища на другое. У них это неписанный закон, берущий свое начало с незапамятных времен. Наши давние предки оказались, как теперь ясно, куда дальновиднее и мудрее, чем просвещенные люди современного мира. Предки знали, какой великой силой

обладает окружающая их природа, и потому свято ее берегли. Считались с духом природы, преклонялись этому духу. Трепетно относясь к природе, эвены испокон веков строго соблюдали неписанные правила таежной жизни. На одном месте долго не засиживались, чтобы не затоптать пастбищные угодья. Через три-четыре ночевки снимались с места и вместе с оленьим стадом откочевывали на новую стоянку, предварительно выбранную. Через год возвращались на прежнее место, которое встречало их светлым нарядом горных лужаек, благоухающим миром разных цветов, густыми тальниками, просторными тополиными рощами. Радость новой встречи с родными природными уголками у эвенов всегда долгожданна, потому незабываема.

Прежде чем ставить чум, придирчиво осматриваются вокруг: изменилось ли что за год, крепок ли берег реки? Нет ли поблизости высоких деревьев: тут может подстеречь беда – при грозе молния ударит по чуму. У подножья высокой горы чум не ставили – тут есть опасность оползней и обвала камней. Все надо предусмотреть, и только после тщательного осмотра ставят кочевые эвены свои чумы. Традиционные знания – главное условие безопасности при кочевом образе жизни современных эвенов.

Олени, эти священные существа, тоже радовались свежему дыханию тайги и раздолью горных лугов. Эвены знали, чем чаще они будут менять пастбищные угодья, тем упитаннее и здоровее станут их олени. Они следовали давней заповеди своего народа: будет олень – будет эвен.

Юкагиры: этноисторический обзор

Юкагиры (самоназвание *одул, вадул* - «сильный») являются одним из древнейших народов Сибири, проживают в Республике Саха (Якутия), в Магаданской области и на Чукотке. В настоящий момент они представляют собой малочисленные, родственные между собой две племенные группы — лесные (одулы) и тундровые (вадулы), языки которых исследователи относят к отдельной юкагиро-чуванской группе уральской языковой семьи.

Лесные (верхнеколымские) юкагиры – одулы проживают в Верхнеколымском (село Нелемное, поселок Зырянка) и Среднеколымском (г. Среднеколымск) районах Республики Саха (Якутия) и Среднеканском (поселок Сеймчан) районе Магаданской области. Это потомственные рыболовы и охотники на лося и других таежных зверей. Кроме собаки, домашних животных юкагиры не имеют.

Тундровые (нижнеколымские) юкагиры – вадулы живут в Нижнеколымском (села Андрюшкино и Колымское, поселок Черский), Аллаиховском (село Оленегорск, поселок Чокурдах), Усть-Янском (села Казачье и Юкагир) районах Республики Саха (Якутия) и Билибинском (село Омолон, поселок Анюйск) районе Чукотского автономного округа. Их основное занятие – оленеводство, охота и рыбный промысел. Одним из юкагирских народов являются чуванцы – обрусевшие юкагиры долины р. Анадырь на востоке Чукотки. В XVIII–XIX вв., смешавшись с русским населением, они утратили родной язык.

Юкагиры относятся к древнейшему населению Восточной Сибири, с ними связывают Усть-Бельскую и Ымыяхтахскую археологические культуры (II – I тыс. до н.э.), распространенные от Таймыра до Чукотки. Древние юкагирские племена участвовали в этногенезе якутов, эвенков, эвенов, а возможно также чукчей и нганасан.

В середине XVII в., ко времени прихода в Якутский край русских, юкагиры проживали на территории от Лены до Анадыря. По данным Б.О. Долгих, в то время их насчитывалось 5-7 тысяч человек. Политика русской администрации (аманатство, ясак), вытеснение с исконных территорий эвенками, якутами, чукчами, коряками и столкновения с ними, опустошительные эпидемии привели к изменению расселения, нарушению традиционного уклада жизни, резкому сокращению численности и ассимиляции юкагиров. Позднее к этим факторам добавились хронические голодовки, вызванные вытеснением юкагиров из их промысловых участков и изменениями маршрутов миграций диких оленей в результате нарушения экологического равновесия, а также изменения климата.

Юкагиры: традиционная культура в конце XX века

Юкагиры являются одним из самых малочисленных народов России. По данным переписи 2010 г. их численность составляет 1603 чел., в т.ч. в Якутии проживало 1281, на Чукотке – 198, в Магаданской области – 71 юкагиров.

Юкагиры в местах своего преимущественного проживания не составляют абсолютного большинства населения. Только в Нелемнинском Суктуле (форма национально-территориального самоуправления юкагиров в Республике Саха (Якутия)) доля юкагиров составляет более половины населения, и в Олеринском Суктуле – чуть менее трети.

Юкагиры к началу XX в. находились на пороге полного физического исчезновения. Если к моменту прихода русских, они являлись основным населением всего северо-востока Азии, то уже к середине XVII в. их оставалось около 5 тысяч человек, к концу XVII в. – 2,5 тысячи, к концу XVIII в. – менее 1,5 тысячи, к началу XX в. – менее 1 тысячи, а к середине XX в. – менее 500 человек. Но с середины XX в. юкагиры являются одним из немногих народов России, который демонстрирует стабильный рост численности.

В конце XX века ситуация с сохранением собственно юкагирской культуры резко ухудшилась, многие элементы самобытной культуры юкагиров были утрачены навсегда по следующим причинам. Во-первых, усилились естественные аккультурационные процессы, в ходе которых юкагирская традиционная культура принимает в себя всё большее и большее число элементов иных культур. Во-вторых, в результате советской и нынешней политики экономического и социально-культурного развития (коллективизация, принудительный переход на оседлость и т.д.) полностью меняется образ жизни юкагиров. Процесс утраты традиционной культуры одулов затронул практически все её области. Носителями этой древней культуры в настоящее время являются менее десяти человек. Это последние живые свидетели традиционного уклада жизни одулов – такого уклада, который ещё существовал в 30–50-е гг. XX века, когда юкагиров-кочевников стали «переводить» на оседлый образ жизни.

Современная этническая культура лесных юкагиров представляет собой яркий пример вторичного бытования фольклора в культуре, основанного на принципе возрождения уже исчезнувшей фольклорной традиции. Так, национальные песни и танцы можно теперь услышать и увидеть лишь во время праздничных мероприятий и концертных выступлений. В репертуаре фольклорного ансамбля «Ярхадана» обряды, песни, танцы. Однако большинство песен и танцев – это «новоделы», в которых используются традиционные мотивы в современной обработке. Из традиционных танцев сохранились только круговой *лонгдол* и парный «танец лебедей», которые стали «визитной карточкой» современной юкагирской культуры.

В настоящее время одежда европейского типа полностью вытеснила в повседневной жизни национальный костюм лесных юкагиров. Традиционный костюм используется только во время праздников – главным

образом, участниками фольклорных коллективов. Использование при изготовлении национальной одежды привозных материалов – тканей, бижутерии, тесьмы и т.п. – привело к значительным отступлениям от традиционных канонов раскроя, шитья и украшения одежды. Костюмы, используемые в настоящее время, значительно отличаются от образцов одежды конца XIX – начала XX вв.

С 1992 г. ежегодно, в конце июня, в селе Нелемное проводится юкагирский национальный праздник *Шахадьибэ* – праздник встречи Солнца, восстановленный по материалам, собранным этнографами. В старину этот праздник выполнял различные функции: организационный, когда роды, живущие раздельно на огромной территории, собирались вместе и решали важные вопросы всего племени; экономический, когда на праздник приезжали купцы и шел активный товарообмен; семейно-обрядовый, когда происходили обряды инициации и заключались браки. Ныне этих функций нет. Поэтому не удивительно, что искусственно реанимированный праздник не стал популярным.

В настоящее время элементы традиционной культуры юкагиров сохраняются, главным образом, в промысловых видах деятельности – охоте и рыболовстве. Лесные юкагиры продолжают сохранять хозяйственный уклад, основанный на добыче лося и рыболовстве (охота на пушных зверей является одним из видов коммерческой деятельности).

Одежда

Традиционный костюм юкагиров похож на эвенскую одежду. Но в отличие от эвенского кафтана, имеющего сзади широкую внешнюю складку, юкагирский кроили в талию с двумя клиньями по низу спинки, образующими внутреннюю складку. По этой особенности кроя соседи называли юкагиров «людьми с хвостами куропатки», а эвенов — «людьми с хвостами гагары».

В наши дни из традиционной одежды юкагиров сохранились только элементы зимней промысловой одежды, но и она, по мере ухода старых охотников, вытесняется из практики. В 2003 г. только у пяти охотников оставались комплекты такой одежды, состоящие из меховых куртки и штанов, торбасов, рукавиц. Меховая куртка *айинмагил* (*айин* – шкура лося) – это короткий распашной кафтан, сшитый из шкуры лося мехом наружу. Верхние меховые штаны *айин оо* шились из летней шкуры молодого лося.

Это очень прочные, длинные штаны мехом наружу. Ремень *тэлги*, поддерживающий штаны, изготавливают из кожи лося или северного оленя, к нему подвешивают ножны. Куртка и штаны сшиты обычно на один – два размера больше, т.к. они надеваются поверх теплой одежды. Они очень практичны, легки, водостойки, хорошо защищают от ветра. Главной причиной прекращения пошива такой одежды является нехватка сырья (оленьих и лосиных шкур) и потеря, с уходом старых мастериц, навыков и секретов шитья.

Ещё сохранились в быту двойные рукавицы *молодьо*, которые состоят из двух частей. Внутренние шьют мехом внутрь из заячьей шкуры или оленьего камуса, наружные – из мягкой продыmlенной ровдуги. Сбоку пришивают петлю для подвешивания. У основания большого пальца обычно делается надрез, через который можно легко высвободить руку, не снимая рукавиц. Такие рукавицы удобны на промысле, но они редки. Сейчас чаще используют только наружные рукавицы из оленьей шкуры мехом наружу. Наиболее распространены рукавицы, сшитые из заячьей шкуры или овчины, которые сверху обшивают палаточным материалом. Такие рукавицы бывают различной длины, иногда доходят до локтя.

Зимой охотники надевают двойной меховой носок: нижний, мехом внутрь, и верхний, мехом наружу. Меховые носки *мурдуу* (из заячьих, оленьих шкур, но теперь в основном из овчины) надевают с традиционной меховой обувью, подошву которой изготавливают из выделанной кожи лося. В качестве верхней обуви используют *шоткари* – торбаза из оленьих камусов с подошвой из щеток оленя (узкие кусочки кожи с длинным и прочным волосом под копытом у животных). На одну пару шоткарей требуется до 24 щеток. Щетки сшивают в виде подошвы, прокладывая в швы для прочности и теплоты олений волос. Затем высушивают, кроят и пришивают к обуви. Используют и торбаза из лосиной кожи без шерсти. Такая обувь очень легкая, теплая и прочная, не скользит. Внутрь обязательно вкладывают стельку из сухой травы. Зимние и летние нарядные торбаза называются *калиперки*. Шьют их из оленьего камуса, украшают поверху и на подъеме.

Реже встречаются другие принадлежности. Шею утепляют шарфом, который изготавливают из заячьей или беличьей шкурок. Также используется меховой нагрудник *нумдьед амды*, покрывающий шею и подбородок. Его шьют из заячьей шкуры мехом к телу. Запястья рук утепляют “ручным шарфом”,

который изготавливают из заячьей, беличьей или ондатровой шкур. На поясицу также надевают пояс из заячьей или ондатровой шкуры. Приходится признать, что к настоящему моменту не сохранилось ни одного образца традиционных головных уборов.

Для обработки шкур раньше использовались каменные и костяные скребки *ангажи*. В настоящее время пользуются металлическими скребками. Шьются и употребляются разнообразные большие и малые мешки, сумы, сумочки, патронташи, чехлы, т.д. На изготовление сумок и мешков идут подручные материалы – шкура лося и оленя, камус, ровдуга, шкурки с головы животных, шкурки уток, гагары, кожа с лапок гуся, лебедя, а также кожа рыб – щуки, налима, ленка. Приемы шитья традиционной одежды и предметов обихода в настоящее время изучаются на уроках национальной юкагирской культуры.

Юкагиры: традиционное природопользование

Основные занятия юкагиров — охота на северного оленя и лося, озерное и речное рыболовство. На оленей и лосей охотились с помощью самострелов, петель, а с XVIII в. — кремневых ружей. Весной зверя промышляли гоним по насту, преследуя на лыжах. Тундровые юкагиры кочевали вслед за стадами диких оленей от лесотундры к морю, добывали их поколками (т.е. «кололи» копьями) на воде во время сезонных переправ либо загоняли в озера с помощью собак. Использовали также загоны и оленя-манщика. Кроме того, охотились на лисицу, белку, соболя, песца, горностая, зайца, применяя различные типы ловушек: срубы *шэньиль*, пасти *шашил*, петли *монол*, самострелы *энэ*, а также огнестрельное оружие.

Тундровые юкагиры убивали лисиц и песцов палицей (дубиной), настигая их на оленьей нарте. Осенью на озерах отстреливали водоплавающих птиц во время их линьки. Колымские юкагиры использовали дротики и *бола* — связку камней на ремешках.

Рыбачили с поздней весны до осени. Волосяными сетями *йодийэ* или неводами ловили окуня, нельму, чира, омуля, муксуна. На нерестилищах рыбу добывали баграми и крючками. В горных речках ставили изгороди *ёз* и плетенные из тальника верши *мортэ*. В октябре-ноябре ловили в проруби волосяными сетями.

Подсобным занятием был сбор ягод, дикого лука, кедровых орехов, корней сараны, листьев различных растений, лиственничной заболони (слоя молодой древесины под корой), грибов. На продажу добывали мамонтовые бивни.

У тундровых юкагиров важную роль играло транспортное оленеводство. В хозяйстве было от двух-трех до двадцати оленей, в богатых семьях — по 100-150 голов. Летом объединялись в группы и сообща выпасали животных. На оленях ездили верхом, вещи перевозили вьюком *велил*, зимой использовали нартовые упряжки.

Жилище и транспорт

Зимнее стационарное жилище юкагиров строилось из стволов деревьев, очищенных от ветвей. Древнее жилище — усеченно-пирамидальная полуземлянка *чандал* с каркасом из четырех столбов-деревьев с корнями и четырьмя поперечинами, на которые клали плоскую крышу, крытую дерном.

Таежные юкагиры жили в конических чумах *урасах*, которые зимой покрывали ровдугой, а летом — лиственничной корой. Остов *урасы* составляли четыре жерди, скрепленные по кругу тальником в пять-шесть рядов, и квадратная рама сверху. На жерди каркаса опирались 20-30 тонких жердей. Пол устилали ветками и шкурами, иногда над постелями подвешивали матерчатые пологи. *Урасу* отапливали разложенным в центре очагом, над ним устанавливали две поперечные жерди для котлов, чайников, просушивания одежды, вяления рыбы и мяса. Жили также и в больших срубных юртах с плоской или конической крышей из шестов и коры. У эвенов заимствовали цилиндро-конические дома. Хозяйственные постройки — срубные амбарчики на высоких столбах с двускатной крышей и лестницей из бревен, лабазы-помосты.

До сих пор традиционная *ураса* сохранилась на большинстве рыболовных участков, а в селе Нелемное во дворах осталось меньше десятка подобных *урас*. Однако и они подверглись изменениям: вместо коры их теперь покрывают фанерой, брезентом, досками, практически везде навешаны на петлях двери с замками. Используются эти *урасы* только в летнее время — либо для хранения вещей, либо для копчения и сушки рыбы.

Основным транспортным средством юкагиров были ездовые нарты — дугокопильные, и грузовые — однокопильные, более короткие. В нарту впрягали, как правило, одного оленя. Таежные юкагиры запрягали в нарты по

4-5 собак. Собачья нарта (*миди, миэдьиэ*) – вязаная, прямокопыльная, длиной до 2,5 м с передней дугой – «бараном».

До сих пор встречаются транспортные нарты *миидьии*, прикрепляемые к снегоходам «Буран» и используемые в основном для перевозки грузов.

В охотничьем промысле используются лыжи *угурчэ*, подбитые снизу оленьим или лосиным *камусом*, и простые самодельные лыжи *колисьэ*, которые быстро вытесняются аналогичными фабричными лыжами типа «Тайга». Все еще встречаются снегоступы, изготовленные из тальника.

Летом по воде передвигались на лодках-долбленках, плотках, лодках-берестянках. В качестве транспортных средств сохранились легкие лодки *эксиль*. Лодка изготовлялась из трех особым способом скрепленных тонких досок, швы заливались варом. Она легко управляется одним веслом, рассчитана на 1-2 человек, требует соответствующей сноровки, т.к. может легко перевернуться на волне или при изменении равновесия. Последний *эксиль* был изготовлен в середине 1980-х гг. Традиционный транспорт юкагиров был вытеснен в начале 70-х годов XX века с началом широкого использования снегоходов и вертолетов.

К началу 80-х годов XX века с широким распространением фабричных капканов охотники перестали использовать пасти *шашил* или *шинэль*, черканы и самострелы *эне*. Только некоторые старики еще в середине 1990-х годов ставили «пасти» на лису и росомаху. Практически полностью вытеснены из употребления нитяные петли на зайцев, которые теперь изготавливаются из проволоки. Сейчас нитяные петли *нонол* можно встретить только у тех, кто ловит на них куропаток и рябчиков.

В рыболовстве встречаются плетеные из тальника ловушки – морды *моортэ*, которые устанавливают в воротах *огэ* – сооружений в виде изгороди из тальника. Их обычно ставят во время нереста в августе-сентябре на реках или в ноябре на озерах. На сетях по рекам и озерам можно встретить традиционные грузила (камни, перевязанные тальником) *киибэс* и берестяные поплавки *полопкии*.

Пища

Основной пищей юкагиров всегда были мясо и рыба. Оленье мясо ели сырым и вареным, зимой – строганину, весной и летом коптили над костром и вялили на солнце. Сушеное мясо *эхалэнг*, нанизанное на жильные нитки,

хранили в мешках в амбарах и варили зимой. Из трубчатых костей вываривали жир. Из взбитой свежей оленьей крови готовили суп *хаша*. Питались также дичью: таежные юкагиры добывали зайцев и куропаток, тундровые – уток и гусей. Гусиные и лебязьи желудки ели сырыми.

Рыбу варили, вялили, квасили в ямах, хранили в слое вечной мерзлоты, делали строганину *чахаа*, юколу *уйкэлэ*, толкли в порошок *баргу*. Брюшки и печень налима употребляли сырыми, потроха и икру жарили. Из икры также пекли лепешки. Летом готовили рыбу, заворачивая ее на сутки в листья тальника. Лакомством считались толченая вареная рыба с голубикой и жиром *кульбаха*, рыбная мука, сваренная с оленьей кровью или сосновой заболонью *анил кэрилэ*.

Пили чай, заваривали шиповник, чагу. Ягоды, рыбу хранили в берестяных туесах *оччо*. Корзины плели из тальника. Посудой служили деревянные и берестяные сосуды четырехугольной и круглой формы. Для хранения *порсы*, вяленой рыбы и мяса шили ровдужные или тканые мешки, для женского рукоделия – сумки из лапок птиц или ровдуги.

Приемы изготовления юколы не изменились с древних времен, однако в настоящее время юколу готовят лишь в немногих семьях. Вяленое мясо готовят в основном охотники во время промысла.

Юкагиры: традиционное мировоззрение

Традиционное мировоззрение лесных юкагиров, крепко связанное с их отношением к природе и людям, в наши дни сильно изменилось. Однако некоторые древние черты все же сохранились. До сих пор сохраняются поверья, основанные на тотемистических представлениях, связанных, в первую очередь, с главными объектами охоты. В фольклоре юкагиров сохранились представления об оборотничестве человека и животного (оленя, медведя, волка, куропатки, ворона и др.). В мифологических воззрениях и фольклоре всех групп юкагиров отмечается особое отношение к медведю – как к родственнику. Считают, что он полузверь-получеловек. Однако, в отличие от тундровых юкагиров, одулы охотились на медведя.

Юкагиры называют медведя иносказательно: *хаахаа* (дедушка) или *мээмээ*. Добыв медведя, старые охотники исполняют обряд, смысл которого – отвести мечь духа – покровителя животного. При разделке туши медведя череп наполняют стружками и связывают прутьями тальника так, чтобы не

было видно зубов. Нос и когти охотник отрубает и хранит как амулет, который должен принести удачу в промысле. Во время обряда говорится, что медведь был убит пришлыми людьми: русскими, якутами, эвенками, но не одулами.

До начала XX в. в названиях родов таежных юкагиров-охотников сохранялись указания на тотемных предков – людей Заячьего, Рыбного или Нартенного рода. До сих пор эти названия сохраняются в фольклоре. В юкагирских сказках заяц проявляет себя как коварный и хитрый герой, любыми способами достигающий своего благополучия и семейного счастья. Рассказчик и слушатели, слегка пожурив героя, должны были восторгаться его проделками. По рассказам современных юкагиров, старый человек, которому скоро предстоит отправиться в «мир иной», видит себя во сне зайцем, пробующим дорогу в мир мертвых *айбидь*. Маленьких детей взрослые ласково называют «зайчиками». Опросы в селе Нелемное показали, что большинство юкагиров относят себя к Ушканскому (Заячьему – *Чолгорадьиэ*) роду. В детском саду и младшей группе ансамбля «Ярхадана» ставится танец зайчиков, дети знают песню зайчиков *Чолгоро*, на уроках труда изготавливаются сувенирные подвески в виде зайчика.

Основой веры является анимизм. Согласно верованиям юкагиров, духи – Хозяева Земли не видны человеку, они находятся в невидимом пространстве. Но они могут показать себя человеку. Это случается очень редко, и такая встреча обычно заканчивается трагически для данного человека, для его семьи и даже рода.

Дух – Хозяин Земли *Лэбиэн-погиль*, по традиционным представлениям юкагиров, является человеку маленьким старичком. И показывается он только тому, кто в своей жизни совершил много грехов. В обыденной жизни запрещалось во избежание гнева Духа Земли колоть землю чем-то острым, без надобности рубить ее топором, без надобности убивать много зверей и т.д. Дух – Хозяин Местности, как Дух – Хозяин Земли, оберегает все живое и неживое на своей территории. По своим возможностям и полномочиям он почти не уступает Духу – Хозяину Земли. Поэтому он может покарать человека, если тот надругался над каким-либо представителем животного или растительного мира.

Дух Хозяйки Реки юкагирам представляется женщиной, поэтому после названия каждой реки обязательно произносят слово *эмэй*. Дух Реки не

только оберегает людей, но иногда может и забрать кого-либо, даже не совершившего никакого греха в отношении данной реки. Поэтому юкагиры угощают Дух Реки вкусной едой и преподносят ей подарки. В наше время такими подарками могут быть монеты, бисер, бусины. Юкагир обязательно должен сделать подарок любой реке на другой же день после того, как пришёл на её берег.

Особую группу составляют духи – покровители животных. Все они подвластны Хозяину Земли. Каждый Дух, защитник животного, на языке лесных юкагиров называется *пэдьул*. Эти Духи следят за благополучием своих подопечных и за тем, чтобы они были дружелюбны по отношению к охотникам – до тех пор, пока те соблюдают неписанные законы охоты, убивают только то, что им необходимо для питания семьи. При этом слово *пэдьул* может выступать и в значении «хорошая судьба», «удача», а словосочетание *пэдьулнэйэ шоромок* означает «удачливый человек» или «мужчина, имеющий *пэдьул*».

Некоторые виды животных служат духами-помощниками *йуойэ* сильных шаманов. Среди очень почитаемых животных у древнейших юкагиров, по-видимому, были мамонты. По рассказам стариков, у самых сильных шаманов духом-помощником служил мамонт *холбут*.

До сих пор соблюдаются многие положения традиционной охотничьей этики. Сильны различные табу: не шуметь в лесу и возле реки, не убивать без надобности зверей, не трогать самок с детёнышами. До охоты и после неё обязательно кормление огня: по традиции обряд совершает старший по возрасту, гость или впервые участвующий в охоте, а иногда все вместе. Кости и части тела сохатого не разбрасываются, а складываются в одно место или же развешиваются на деревьях. Шейная борода сохатого (в ней находится душа сохатого) обязательно вешается на дерево: таким образом ей дается возможность заново переродиться. Несоблюдение этой традиции может привести к потере удачи в промысле.

Широко распространены рассказы и поверья, связанные с охотничьими и рыболовными участками, духами-хозяевами этих угодий, с Хозяином тайги. Именно поэтому у части народа сохраняется традиционный принцип «не брать лишнего у природы». Этим объясняется тот факт, что многие юкагирские семьи до сих пор не делают никаких припасов на будущее (те, кто не знаком с традициями юкагиров, воспринимают это как леность,

иждивенчество, неумение распорядиться природными богатствами). По словам одного юкагира-охотника, заготовкой впрок можно оскорбить Хозяина леса: как будто ты ему не доверяешь.

У юкагиров издавна существовал обычай распределения охотничьей добычи (*хартат, хартак*), когда мясо или рыба распределяются между участниками охоты и родственниками. В последнее десятилетие эта традиция начала исчезать, что связано со сложным социально-экономическим положением. Эта древнейшая традиция сейчас сохраняется только среди близких родственников.

Можно констатировать, что законы рынка нанесли безжалостный удар по традиционному мировоззрению юкагиров, в результате чего исчезли многие традиции, обряды. Молодое поколение не соблюдает теперь правила жизни, которым в течение веков следовали их соплеменники.

Юкагиры: влияние изменений климата на традиционный образ жизни

Юкагирам приходится сталкиваться со следующими последствиями климатических изменений:

- изменение водного режима рек и озер (изменились периоды ледостава и ледохода, сроки хода промысловой рыбы),
- состояние вечной мерзлоты (ускоряется эрозия берегов рек, исчезают некоторые озера в тундре, чаще выходят на поверхность останки мамонтовой фауны),
- продвижение леса на север (в тундре появляются растения и животные, характерные для лесной зоны),
- изменение сроков прилета и отлета птиц,
- повышение количества осадков (более глубокий снег, который затрудняет зимовку оленей, способствует заболачиванию) и т.д.

Одна из главных угроз современных изменений климата – изменение водного режима рек. Большинство современных населенных пунктов на Севере располагаются на берегах рек. В последние годы резко усилились весенние паводки, участились наводнения, ускорились процессы размыва берегов. Всё это приносит большие бедствия населению. Сегодня уже, по-видимому, не миновать закрытия или переноса некоторых населенных пунктов. Помимо

больших материальных потерь, появились новые угрозы: есть вероятность размыва могильников скота, погибшего от сибирской язвы, и старинных кладбищ, где похоронены умершие от чумы и оспы.

Отмечаемые в последние годы нестабильность и непредсказуемость погоды усложняют ведение традиционного хозяйства и традиционных промыслов. Как сказал один из старых юкагиров, «природа перестала нам доверять».

Оленеводство

Большинство юкагиров отмечает увеличение в последние годы количества осадков. Из-за обильных снегопадов образуется глубокий снежный покров, создающий трудности оленям – ягель стал менее доступным. Все юкагиры отмечают, что в последние годы холода стали наступать позднее, чем раньше. После необычных декабрьских дождей приходит мороз, и на почве образуется ледяная корка, из-за которой невозможно использовать большие площади пастбищ. Только высокая компетентность специалистов, советы старейшин и самоотверженность оленеводов помогает избежать больших потерь оленей. Дополнительные сложности вызваны невозможностью заранее предугадать погоду для наиболее оптимального выбора маршрутов кочевок.

Охотничий промысел

Из-за позднего ледостава трудности испытывают охотники, которые не имеют возможности своевременно выехать на свои промысловые участки. Удлиняются транспортные пути, так как охотники вынуждены обходить озера, поэтому они пропускают осенний переход пушных зверей. Поздний и глубокий снег становится причиной быстрого износа снегоходов «Буран».

Многие охотники остаются без добычи из-за смены маршрутов и сроков миграций диких северных оленей и водоплавающих птиц – гусей, уток. Кроме того, охотникам приходится выезжать на охоту, не дождавшись достаточной толщины льда, что приводит к увеличению числа несчастных случаев.

Рыболовство

Сложности испытывают и рыбаки. С изменением водного режима нарушаются сроки летнего и осеннего хода рыб, происходит изменение видового состава и численности рыб, с оттаиванием мерзлоты исчезают

некоторые рыбные озера, из-за позднего ледостава иногда сокращаются сроки подледного лова рыбы или он становится невозможен и т.д. Среди рыбаков также увеличилось число несчастных случаев из-за выхода на неокрепший лед для подледного лова рыбы.

Коренные жители приводят различные объяснения причин наблюдаемых процессов. Одни говорят о влиянии человека на природу: стало много техники, населенных пунктов, которые загрязняют атмосферу; одной из причин изменения водного режима рек многие из опрошенных считают влияние гидроэлектростанций и плотин; из-за вырубки и пожаров уменьшаются площади лесов и т. п. Другие считают, что налицо возмездие со стороны природы и её сил: природа перестала «помогать» и «доверять» людям, «духи разгневались» из-за нарушений традиционных запретов, особенно запрета на сбор мамонтовой кости. Третьи убеждены в цикличности наблюдаемых в наши дни явлений.

За многие годы и века традиционного природопользования коренные народы выработали свою особую этику по отношению к природе, создали своеобразную систему взаимодействия с природой, которой сейчас, при промышленном освоении северных территорий и стихийном развитии рынка, грозит полное разрушение. Из-за отчуждения земель под добычу полезных ископаемых сократились площади оленьих пастбищ, а использованные земли не восстанавливаются. В последние годы большое распространение получило хищническое браконьерство, из-за которого страдают не только охотники. Например, из-за близости пастбищ к транспортным путям община «Нутендли» вынуждена была свернуть развитие коневодства, т.к. многие лошади просто исчезали – их отстреливали пришлые и проезжающие браконьеры.

Якуты: этноисторический обзор

Якуты (самоназвание *саха*) – крупнейший из народов, проживающих на Севере России. В рамках Всероссийской переписи населения 2010 г. зарегистрировано 478,1 тысяч человек, причисляющих себя к этому народу, из них 466,5 тысяч (97,6%) проживали в Республике Саха (Якутия).

Культура якутов, самых северных скотоводов и коневодов Земли, является неотъемлемой частью арктической цивилизации. Зародившись в регионах, весьма далеких от просторов Северной Сибири, скотоводческое хозяйство

якутов постепенно приспособлялось к суровым природно-климатическим условиям Севера и приняло в конце концов совершенно особую, уникальную форму.

В основе этногенеза якутов лежит культура ранних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Некоторые реликтовые проявления этой культуры вплоть до начала XX века сохранялись в традиционной культуре и языке якутов. Сохранившиеся на Ленских скалах ранние памятники петроглифического искусства - наскальные рисунки с изображением лошадей и всадников - отражают традиционный мир степных предков якутского народа. Хозяйство, культура, язык и внешний облик якутов окончательно сформировались на Средней Лене.

Якуты: традиционное хозяйство и системы жизнеобеспечения

Археологические данные свидетельствуют, что уже в конце XIV века предки якутов имели развитую, приспособленную к арктическим условиям, систему комплексного хозяйства, основой которого был северный вариант скотоводства и коневодства.

Первоначальное преобладание коневодства, очевидно, связано с тем, что на новой территории предки якутов сохранили в целом технологию, выработанную в более южных районах Сибири, где табуны лошадей выпасались круглый год и не требовали заготовки кормов на зиму. В более суровых природно-климатических условиях Севера якутам удалось успешно адаптировать и даже вывести особую породу лошадей, приспособленных к низким температурам. Табуны лошадей составляли «главное богатство народа» [25, с. 251]. Лошади служили главным средством передвижения и тягловой силой. Их мясо по сей день считается лакомым кушаньем якутов, из кобыльего молока изготавливается кумыс. Из шкур коней, кожи и замши якуты шили одежду, обувь и посуду, из конского волоса плели сети, веревки и т. д. [21, с. 72].

Якуты вывели также особую – якутскую – породу коров. Её отличают необыкновенно длинная и густая шерсть, неприхотливость и «способность быстро отъедаться на хороших кормах и впоследствии жить на запасах накопленного жира и мяса» [25, с. 144–145, 250–251]. К XVII веку якутские роды жили в бассейнах Яны и Индигирки, а с конца этого столетия – и

Колымы, продвинув тем самым далеко на Север, в арктические районы, разведение крупного рогатого скота и табунного коневодства.

Жилища

Якуты имели летние и зимние поселения. Летние (*сайылык*) располагались в местах, удобных для выпаса скота, зимние (*кыстык*) – там, где были заготовлены запасы сена. Зимние жилища – традиционные балаганы – были каркасными, к ним часто пристраивался хлев (*хотон*) для содержания крупного рогатого скота. Центральной частью якутского балагана была печь *камелек*. Открытая форма глинобитной либо обмазанной глиной печи позволяла использовать ее не только для приготовления пищи, но и как источник света и тепла. Особая форма вытяжки способствовала вентиляции воздуха, и многие путешественники отмечали, что в таких жилищах воздух гораздо чище, чем в домах русских крестьян, хотя якуты держат тут и скот.

Скотоводческий тип хозяйства определил специфику расселения якутов. Пригодная для скотоводства часть территории Ленского края была поделена между различными якутскими племенами, состоявших из отдельных родов (кланов). Наиболее могущественные из них владели лучшими и более обширными пастбищами и покосами.

Весь годовой природный цикл якутов был подчинен задачам развития скотоводства. После выгона в конце мая – начале июня скота на пастбища, переезда на сайылык и праздника *ысыах* начиналась подготовка к сенокосной страде, приходившаяся в основном на июль–август. Начало лета также посвящалось сбору трав, которые шли отчасти в пищу, отчасти заменяли чай. Заготовка сена на зиму имела решающее значение в сохранении и воспроизводстве скота в суровых природно-климатических условиях. Длинные зимы требовали заготовки значительно большего количества сена, чем на прародине якутов в Южной Сибири. Для создания покосов якуты стали спускать озера, расширять территории пастбищ весенними и осенними палами. На заготовку сена уходило 70–75 дней, поэтому к ней привлекались все трудоспособные члены семьи. Сенокос начинался в первых числах июля и часто заканчивался поздней осенью. Заготовленное сено скирдовалось и складывалось в недоступных для скота местах.

Осеннее время посвящалось охоте и рыболовству. Завершался переход на *кыстыки*, скот загоняли в стойла. С наступлением морозов, в конце

октября – ноябре, происходил забой скота. Перевозились дрова, сено, заготавливался лед для питья, заканчивались последние приготовления к длительной зимовке.

Зимой интенсивность производственной деятельности несколько снижалась. В этот период предпринимались торговые операции, совершались визиты, велась охота на пушных зверей, изготовлялась посуда, одежда, утварь.

Весна считалась самым тяжелым временем в жизни якутов. Этот период достаточно красноречиво иллюстрирует якутская поговорка: «Осенью человек все время смеется, весной все время облизывается». Истощались запасы. Часто бедные хозяйства попадали в зависимость от богатых, получая помощь от них на определенных условиях.

В хозяйстве якутов немаловажное место занимали охота и рыболовство. Охотились с помощью луков, копий, палым (*батыйа*), петель, пастей и капканов, которые изготовлялись из дерева и конского волоса. Якуты – искусные охотники, они хорошо владеют разными методами и приемами охоты на зверей и птиц.

Значительным подспорьем, особенно для вилюйских якутов, было рыболовство. Ловили рыбу на озерах и небольших речках, в основном неводами, волосяными и конопляными сетями, вершами и мордами. Для ловли использовались берестяные лодки и лодки–долбленки. Самым распространенным объектом промысла была *мундушка* (*мунду*) – маленькая озерная рыбка рода линей, которую ловили вершами. Каждая якутская семья в год в среднем потребляла от 10 до 15 пудов (160–240 кг) этой рыбы. В зимнее время был распространен подледный лов с помощью небольшой мешкообразной сетки *куйуур*, прикрепленной к обручу, и длинной жерди *мангкы*, достающей до дна озера. До настоящего времени широко распространен осенний подледный лов рыбы, в основном карасей, неводом *мунха*. Вскоре после того, как озеро покрывалось льдом, значительная группа людей (включая женщин и детей), встав в полукруг у какого-нибудь берега и вооружившись толстыми березовыми палками *люксюр*, начинала стучать ими об лед. Затем они продвигались вдоль берега до тех пор, пока не доходили до места, назначенного для спуска невода под лед, где и вылавливалась загнанная таким способом рыба. Пойманная рыба сразу замораживалась и могла храниться под открытым небом до весны. В дореволюционный период

некоторая часть якутского населения, потеряв скот, становилась *балыксытами* (рыбаками), живущими исключительно рыболовством.

Якуты славились среди народов Сибири как замечательные плотники, кузнецы и ювелиры. Жилища, хозяйственные постройки, ритуальные сооружения, деревянная утварь до сегодняшнего дня вызывают восхищение европейцев своей эргономичностью и изяществом. Якутским кузнецам были известны многие виды литья иковки изделий из цветных металлов. Якутские ювелиры изготавливали изысканные женские украшения из серебра. В средние века было распространено гончарное производство, забытое и утраченное к приходу русских [18, с. 65-66].

Начиная с XVIII века, якуты под влиянием русских крестьян приобщились к земледелию. В 1890-х годах уже во всех якутских хозяйствах, обладавших землей (около 70% от их общего числа), имелись посеы.

У большинства якутов посеы были небольшие, и урожай шел лишь на удовлетворение собственных нужд. Но появились и крупные земледельцы, производившие хлеб на продажу.

Формирование особой этнографической группы северных якутов–олeneводоv относится к середине XVII века, когда вследствие ясачной политики часть якутских родов покинула Лено-Амгинское междуречье и заселила северо-запад и северо-восток современной территории Якутии вплоть до побережья Северного Ледовитого океана. Высокие адаптационные качества якутского народа позволили ему сравнительно быстро перенять от местных тунгусских и юкагирских племен особенности ведения хозяйства в условиях тундры и лесотундры, не растворившись при этом в аборигенном пространстве иной культуры и сохранив свой язык и своё культурное своеобразие.

Якутское оленеводство относится к тунгусо-якутскому типу. Для этого типа характерны разнообразные способы использования оленей в транспортных целях (в санях, верхом и в качестве вьючных животных), широкое применение изгородей и использование различных подкормок. Мясо домашних оленей дополняло стол якутов в случае скудной охоты, а их шкуры использовались для пошива одежды, обуви и покрышек к чумам. Количеством оленей измерялось благосостояние. Богатые семьи северных якутов имели стада, насчитывавшие от нескольких сот до тысячи, тогда как бедняцкие хозяйства – до 20 оленей. Последние обычно находились в зави-

симости от крупных оленеводов, получая от них в пользование ездовых оленей на определенный срок. За это они расплачивались пушниной [6, с. 50].

За зиму оленеводы делали несколько перекочевок – меняли участки пастбищ. На специальных транспортных оленях выезжали на охоту, объезжали ловушки-пасти. К концу зимы перекочевки учащались из-за необходимости поиска пастбищ с богатыми ягельниками на пути к весенним пастбищам. Весной откочевывали в «малые тундры» – участки тундры, окруженные лесом, а летом выходили в открытую тундру. Отел приходился на вторую половину апреля и май. При перекочевке стада на летние пастбища пастухи старались избегать переправ через глубокие и бурные реки и ручьи, чтобы не простудить телят. В конце августа оленеводы начинали продвигаться к зимним пастбищам. Осенью производили массовый забой оленей для получения шкур и камуса. В остальное время, особенно летом, забой производили по мере надобности [6, с. 58]. В настоящее время оленеводством занимаются в основном в северных улусах.

Якуты: традиционные представления о природе и человеке

Якуты одушевляли Природу, верили, что все её объекты и явления имеют своих духов, которых они называли *иччи*. Духам – хозяевам дороги, гор, рек, озер, мимо которых проезжали, приносились жертвы: здесь на деревья вешали пучки конских волос, лоскуты материи, бросали около них медные монеты, пуговицы. Одним из главных духов-хозяев был хозяин леса *Баай Байанай*, от которого зависела удача в промысле. Одухотворялись также гром и молния. Считалось, что бог грома преследует злых духов *абаасы* громовыми стрелами. Разбитое молнией дерево обладало лечебной силой, рядом с ним искали черный камень, который считали орудием бога грома.

Якуты верили в существование волшебного камня *сата*, с помощью которого можно изменить погоду, вызвать дождь, снег, ветер. *Сата* находили в желудке или печени животных и некоторых птиц. Эти камни могли быть разной формы, встречались и такие, которые формой походили на человека.

В древности каждый якутский род считал своим священным предком и покровителем какое-нибудь животное, которое нельзя было убивать, употреблять в пищу и называть по имени. Такими животными были лебедь, ворон, орел, сокол, ястреб, горностай, белка и бурундук.

У всех групп якутов был распространен культ медведя. Якуты называли медведя «дедушкой» (*эсэ*). Собираясь на охоту, этого слова не произносили. После добычи медведя произносились извинительные речи, ритуальное вкушение мяса и захоронение всех его костей на специально построенном воздушном захоронении *арангасе*. Хотя отдельного медвежьего праздника у якутов не было, но его атрибуты служили в быту оберегом от злых духов. Близкие по содержанию обряды совершались при добыче лося или северного оленя [18, с. 80–83].

По традиционному мировоззрению якутов, Природа, будучи источником всякого богатства, существует исключительно для человека и неотделима от его жизни. Явления природы, в том числе катаклизмы, неурожай, имели свои причины. Войти в ритм Природы, дабы не терпеть бедствий, являлось основным принципом традиционного природопользования. Поэтому все хозяйственные действия неизменно сопровождались ритуалами. Даже при рубке леса произносили заклинание *алгыс*, обращенное к духу–хозяину леса, с просьбой не сердиться и не гневаться. Считалось, что нарушение гармонии в Природе, небрежное отношение к ней, уничтожение её объектов приводят к сбою хозяйственного цикла.

Якутам было свойственно чувство слитности с местом своего рождения и проживания. При этом природа местности наделялась человеческими качествами: она имела дыхание, свой нрав, могла быть доброй или злой. Родная земля выступала своего рода материнским началом, источником жизненной энергии. Отправляясь в дальнюю дорогу, якуты брали с собой горсть родной земли и в момент глубокой тоски по родине принимали её внутрь, разбавив водой. Считалось, что родная земля имеет свойство оберегать и защищать «своих», отгоняя от них несчастья и беды.

Ритуальные места *улуу сирдэр* делились на священные – *ытык сир*, «нечистые» – *абаасылаах сир* (место со злым духом) и *кусаган тыыннаах сир* (место, имеющее худое дыхание). К первым относились открытые места, через которые проходили дороги, ведущие в Верхний и Нижний миры, а также места, отмеченные редкой природной красотой. Считалось, что здесь останавливались духи, и тут возбранялось селиться. Пригодными для человеческих поселений считались глухие малоприметные места *бютяй сир*, дающие ощущение пространственной защищенности.

Якуты почитали места древних поселений своих предков, а также территории, на которых были возведены историко-культурные памятники, возведенные в честь каких-либо особо знаменательных событий (например, жертвенными знаками *кэрэх*, ритуальными коновязями *сэргэ*, и места древних захоронений, особенно могилы великих шаманов.

К «нечистым» относились, в первую очередь, места, где шаманы совершали обряды, посвященные злым духам, или же камлания с проклятием. Места, где шаманы «привязывали» злых духов, также считались опасными. Сюда относились и территории, где имели место кровопролитные сражения, убийства, насилия, несчастные случаи и т.д. Они считались «нечистыми», пока шаман не проводил здесь специальный обряд очищения – *арчы*. Опасными становились места, природа которых была разрушена в результате деятельности людей [3, с. 22–29].

Календарь якутов тесно связан с их природно-хозяйственным циклом. Названия весенних, летних и осенних месяцев отражают производственную деятельность: например, март (*кулун тутар*) – месяц привязывания жеребят и доения кобыл, июль (*от ыйа*) – месяц сенокоса т. д. Зимние же месяцы обозначались лишь их порядковыми номерами: октябрь – *алтынньы* (шестой), ноябрь – *сэттинньи* (седьмой), декабрь – *тохсунньу* (девятый) и т.д. Это говорит об особом восприятии времени: весенне-летний период отличается от монотонной длинной зимы разнообразием и интенсивностью. Зима представлялась временем больших испытаний, и не только из-за стужи, но и потому, что зимой открывалось окно в подземный мир, и злые духи оказывались на границе с миром живых. Пережить суровую зиму для якута в буквальном смысле было вопросом жизни и смерти.

По якутскому народному календарю, год делится на 140 летних и 220 зимних дней. Лето начинается 22 мая, с этого дня детям разрешается посидеть, полежать на земле. 25 июня – самый длинный день в году, его называют *сайын иэ-иллиитэ* («летоворот»), т.е. поворот лета на зиму. 14 сентября – завершение летних хозяйственных работ и начало подготовки к зиме. 14 октября – начало зимнего стойлового содержания крупного рогатого скота, к этому времени в Центральной Якутии обычно образуется устойчивый снежный покров. 25 декабря – самый короткий день в году, его называют *дьыл иэ-иллиитэ* (годоворот), т.е. поворот года на лето.

Зимние морозы якуты представляли в образе свирепого быка, а их ослабление и прекращение – в виде его разделки: 30 января – у быка отваливается один рог; 12 февраля – второй рог, 24 февраля – голова с шеей. С этого времени прекращаются зимние морозы. Но еще остаются 44 «холодка» и 44 «прохлады», что соответствует 88 зимним дням, остающимся после 24 февраля до 22 мая [16, с. 83–84].

Центральное место в традиционной культуре якутов занимали весенне-летние обряды *ысыах*, проводившиеся с начала мая до летнего солнцестояния. Завершал весенний комплекс обрядов национальный праздник *Ысыах* – якутский новый год [32, с. 245–246].

Народная метеорология

Народными приметам о погоде пользовались в каждой якутской семье. Но были и особые предсказатели погоды – *билгэсчиты*, выделявшиеся своими способностями: тонкой наблюдательностью, цепкой памятью и умением обобщать и анализировать. Тех *билгэсчитов*, которые могли предсказывать урожайность года и составлять длительные климатические прогнозы, называли *дьыллытамы*.

Для отметки зарубками погодных условий каждого года *дьыллыты* имели четырех- или шестигранные палочки *дьыл маа* длиной в аршин, которые со временем накапливались у некоторых из них до 80-100 штук. В совокупности они составляли «деревянную книгу», в которой фиксировались погодные условия Якутии многих десятилетий.

Якутские *дьыллыты* занимались не только краткосрочным и среднесрочным предсказанием погоды, но могли составлять и гораздо более длительные прогнозы. При этом они руководствовались опытом якутской народной метеорологии, выработанным в результате многовековых наблюдений и обобщений. Согласно этим знаниям, в условиях Якутии существуют влажные и засушливые периоды, чередующиеся между собой с такой же неизбежностью, как смена времен года.

Якуты: адаптация к климатическим изменениям

По данным социологических исследований, проведенных среди якутского сельского населения, большинство селян беспокоят следующие, наблюдаемые ими, климатические изменения:

- 1) зимы стали теплее;
- 2) земля уходит под воду;
- 3) выпадает больше осадков (дождя и снега);
- 4) летние месяцы стали прохладнее;
- 5) стало больше наводнений;
- 6) весна и осень стали более продолжительными;
- 7) изменилась «роза ветров», ветры стали сильнее;
- 8) температура меняется неожиданно, увеличилась амплитуда дневной и ночной температур,
- 9) появились новые виды растений и животных.

Все меньше остается знатоков народной метеорологии, да и сама она постепенно уходит в прошлое, поскольку погода становится все более непредсказуемой, а выверенные столетиями фенологические знания не подтверждаются современной климатической ситуацией.

Несмотря на определенные положительные влияния многих из этих перемен (при более теплых зимах требуется меньше дров для отопления домов, не требуется покупка дорогостоящей меховой одежды, сокращается период стойлового содержания крупного рогатого скота; продолжительное лето благоприятно для развития огородничества и т.д.), все же негативные моменты потепления климата для местных жителей гораздо более ощутимы. Из-за нарушения водного режима происходит быстрое заболачивание озер. Среди непосредственно бросающихся в глаза изменений особое беспокойство селян вызывает превращение сенокосных угодий в озера вследствие таяния вечной мерзлоты. В результате происходит обрушение дорог, инженерных коммуникаций, изгородей.

Налицо видимое сокращение земель, пригодных для хозяйственной деятельности. Жители приспособляются к этим изменениям за счет увеличения продолжительности сенокосных работ и более высоких финансовых затрат на то, чтобы запастись дополнительным кормом. Применяются и традиционные якутские методы повышения количества заготовленного сена, такие как сенокосение после замерзания льда в озерах и прудах *муус ото*, сенокосение в воде *уолба* и временное переселение домохозяйств к речным верховьям, чтобы косить сено и пасти стада.

Применяется также дополнительный прикорм размолотыми кустарниками и ветками деревьев. В северных районах, в частности, Верхоянском улусе, строят из жердей настилы для сушки сена, добытого из заболоченных участков. Однако, количество семей, продолжающих содержать крупный рогатый скот, в последние 5 лет резко сократилось, из чего можно предположить, что все меньше хозяйств справляется с этой все более возрастающей проблемой.

Изменение водного баланса вследствие оттаивания вечной мерзлоты и увеличения количества осадков приводит к образованию оврагов. Эрозия почв приводит, по наблюдениям местных жителей, к высыханию земли, поскольку по этим оврагам вода «...быстро уходит вниз. Земли, которые никогда не были сухими, теперь засохли». Кроме того, из-за проседания и поднятия земли вследствие движений мерзлотного слоя возникает опасность деформации фундамента жилых домов.

Поскольку современные сельские дома, в большинстве своем подключены к центральному отоплению либо отапливаются газом, вследствие чего значительно повысилась теплоотдача и возможность прогревания под ними и оттаивания вечной мерзлоты, в последние годы селяне, по рекомендации ученых, оснащают строящиеся дома специальными термосифонами. С этой целью выкапывают яму до слоя мерзлоты, в эту скважину вставляют запечатанную с одной стороны трубу и засыпают её землей, оставив на поверхности лишь часть трубы высотой примерно 1 м. В неё заливается керосин или солярка. Зимой плотность этих веществ, как известно, увеличивается, они растекаются до самой глубины скважины и замораживают растаявший почвенный слой.

При строительстве домов применяют и уже наработанные с начала XX века технологии с применением свай и воздушной отдушки либо так называемый «черный пол» *хара муоста*, когда пол настилается поверх засыпанного на высоту 0,5–1 м слоя земли, что позволяет предотвратить оттаивание мерзлоты.

Подлинным бедствием для якутских селений стали катастрофические наводнения, которые с 1998 года представляют постоянную угрозу безопасности и качеству жизнедеятельности местного населения. Участвовавшие наводнения несут в себе угрозу для поселений и способствуют их разрушению, затопляя дома и транспортные сети. Только за последние

пять лет расходы на ликвидацию последствий паводковых явлений увеличились в 5 раз и составили на сентябрь 2013 года 4,2 млрд. рублей.

После разрушительного наводнения 2001 г., когда было затоплено 87 населенных пунктов, включая города Якутск, Ленск, Олекминск, а в общей сложности пострадало почти 400 тысяч человек (при общей численности населения Республики 950 тысяч человек) построен ряд защитных сооружений, началось переселение наиболее часто затопляемых сел на новое место. Однако большинство селян отказывается покидать места своего традиционного проживания. В каждой местной администрации, безусловно, есть разработанный план мероприятий в случае чрезвычайных ситуаций. Однако в памяти многих сельчан свежи события 2008 и 2010 гг., когда вода пришла неожиданно и быстро, и погиб почти весь скот, который не успели отогнать на безопасное место. Большая вода унесла тогда много жилых домов, дворовых построек, заготовленные на зиму дрова. Поэтому местные жители стараются по возможности закрепить хозяйственные постройки и отопительные средства.

Природно-климатические изменения и связанные с ними чрезвычайные ситуации многократно увеличивают и обостряют повсеместно существующие социальные, экономические и экологические проблемы коренных народов Якутии. Изменения окружающей среды воспринимаются коренным населением как серьезная угроза качеству жизни. При этом следует подчеркнуть, что любые изменения в окружающей среде, нарушения экологического баланса воздействуют не только на производственные циклы, но и на социальное самочувствие якутского народа. Сильная зависимость жизни человека на селе от изменения окружающей среды образует стержневую проблему, вокруг которой группируются другие, не менее важные вопросы жизнеустройства сельских территорий, поселений и жителей. По существу, сегодня речь идёт о влиянии климатических процессов на условия жизни людей и социально-экономическую деятельность сельского социума, резко актуализируя вопросы сохранения этнической экономики и культурных ценностей самых северных в мире коневодов и скотоводов.

Для уменьшения негативных последствий изменения климата на социально-экономическое развитие и здоровье населения необходима разработка комплексных мер, направленных на предотвращение и компенсацию

указанных выше проблем. И если мировым сообществом уже приняты серьезные меры по профилактике и сокращению негативного воздействия глобальных климатических изменений, то разработка механизмов адаптации на местном уровне находится ещё только на стадии формирования. Здесь опыт арктических народов, в том числе якутов, безусловно, мог бы оказать неоценимую помощь.

Коренные народы Арктики первыми принимают на себя тяжесть неблагоприятных процессов, связанных с меняющейся климатической обстановкой. Изменение климата ведёт к разрушению их традиционного хозяйства и самобытной этнической культуры и может, в конечном счете, привести к постепенному отходу от традиционного образа жизни и утрате этнического своеобразия. Именно поэтому необходимо объединение усилий для безотлагательной разработки адаптационных мер и их законодательного закрепления на федеральном, республиканском и местном уровнях.

Источники

1. Алексеев А.А. Забытый мир предков. Якутск: Ситим, 1993. 94 с.
2. Боякова С.И. Освоение Арктики и народы Северо-востока Азии (XIX в. – 1917 г.). Новосибирск: Наука, 2001. 160 с.
3. Бравина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: На материале традиций саха. Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.
4. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (18- начало 20 вв.). Л., 1969.
5. Грачева Г.Н. Некоторые черты хозяйственной деятельности народностей Севера Средней Сибири в прошлом и настоящем // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1956.
6. Гурвич И.С. Культура северных якутов–олленеводов: К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М.: Наука, 1977. 247 с.
7. Гурвич И.С. Северные якуты и долганы // Этническая история народов Севера. М., 1982.
8. Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966.
9. Долгих Б.О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. М., 1963. Т. 5.

10. Иохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена // Известия РГО, 1898, т. 34, вып. 3.
11. Иохельсон В.И. Предварительный отчет об исследованиях инородцев Колымского и Верхоянского округов // Известия Восточно-Сибирского отдела РГО. 1898, ч. 29, № 1.
12. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагизированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой, отв. ред. Н.А. Алексеев. – Новосибир.: Наука, 2005. – 675 с.
13. Карлов В.В. Эвенки в XVII-начале XX в. (хозяйство и социальная культура). М., 1982.
14. Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири в 1838-1844, 1845-1849 гг. СПб., 1860.
15. Макаров Д.С. Народная мудрость: знания и представления. Якутск, 1983. 120 с.
16. Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири: Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении. СПб., 1860. Ч. 1, отд. 1: География и гидрография.
17. Народ саха от века к веку: очерки истории. Отв. ред. В.Н. Иванов. Новосибирск: Наука, 2003. 327 с.
18. Народы России. Энциклопедия. М., 1994.
19. Народы Сибири. М.-Л., 1956.
20. Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 168 с.
21. Попов А.А. Долганы // Народы Сибири. М.-Л., 1956.
22. Попов А.А. Оленеводство у долган // Советская этнография. 1935. № 4–5.
23. Попов А.А. Охота и рыболовство у долган // Памяти В.Г. Богораза. М.-Л., 1937.
24. Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993. 736 с.
25. Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Вост. лит., 2012.
26. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М., 1979.
27. Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. М., 1969.

28. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985.
29. Энциклопедия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. М., 2005.
30. Юкагиры: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.
31. Якуты (саха). Отв. ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова. М.: Наука, 2012. 599 с.

Об авторах

Сардана Ильинична Боякова, заведующая сектором арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Якутск).

Андрей Васильевич Кривошапкин, народный писатель Республики Саха (Якутия).

Анатолий Иванович Саввинов, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск).

Кирилл Намсараевич Стручков, научный сотрудник сектора эвенкийской филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск).

Вячеслав Иванович Шадрин, научный сотрудник сектора арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск).

Фотографии любезно предоставили: В. Абрамова, Е. Ванчиков, Н. Вейсалова, Н. Данилова, Л. Егорова, И. Загребин, Л. Жукова, Ю. Коковин, М. Колесов, Н. Курилов, А. Леонтьев, М. Макаров, Е. Михайлова, В. Монастырев, П. Оконешников, С. Павлов, И. Петров, Ю. Слепцов, А. Хоменко, В. Яковлев.

В модуле использованы также использованы фотографии В. Иохельсона (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН и Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), А. Курочкина (Музей антропологии и этнографии имени Петра

Великого РАН), И.В. Попова (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН), В. Степанова (Музей Ботуобинской СОШ №9 им. Р.В. Лонкунова Мирнинского района), И. Васильева (Черкхский историко-этнографический музей), а также репродукции экспонатов Анабарского краеведческого музея, Школьного музея деревни Андрюшкино, Музея археологии и этнографии СВФУ, Архива Якутского научного центра СО РАН, Музея истории науки им. Г.П. Башарина ИГИиПМНС СО РАН, Этнографического музея народов Забайкалья, Иркутского областного краеведческого музея, Ытык-Кельского литературно-художественного музея–заповедника «Таатта», Музея истории промышленного освоения Верхоянья (п. Батагай Верхоянского улуса), Национального архива Республики Саха (Якутия), Национального художественного музея Республики Саха (Якутия), Томского областного краеведческого музея, Якутского объединенного краеведческого музея истории и искусства.